

СМЕНА

23

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЕЛИКОЕ ПРАВО

На снимках: Члены бригады коммунистического труда Игорь Тероцин, Владимир Гришин и Николай Базлов ● Вечерами молодые рабочие Виттор Баранов и Владимир Головин занимаются в политтехническом институте ● «Да выходные в неделю, — говорит героиней Ивни Гречушкин, — это время, отданное не только учебе и спорту, но и семье!» ● «За счастье, за любовь!» — провозглашает тамбда комсомольской свадьбы.

Фото В. Сивка.

В самом конце тридцатых годов на окраинах Череповца появились беспокойные, шумные люди: проектировщики, геодезисты, строители. Ходили слухи, что в городе будут строить громадный металлургический завод. Но началась война... Только в 1949 году вернулись сюда строители. По городу прокатился грохот самосвалов и бульдозеров, над тихими улочками поднялись стрельы башенных кранов. Начиналась стройка.

Теперь далеким прошлым кажется пуск первой домы. Сколько событий прошло с тех пор! Построены коксовые батареи, вступили в строй мертенсовские печи, сооружили обжиговой стан — блюминг, в могучий заводской

шум валился громкий голос листопрокатного цеха...

...Голубая «Волга», преждевременно состарившаяся на неблагоустроенных дорогах, тряслась по булыжной мостовой, покрытой осенней слякотью. Было раннее утро, солнце едва пробивалось сквозь дымку ноябрьского тумана.

«Неужто это и есть Череповец, город будущего?» — разочарованно думала я, поглядывая на серые стены деревянных домов. Но, будто угадав мои мысли, шофер, молодой парень с узкими щелочками глаз, насмешливо проговорил:

— Вы, небось, думаете: ну и дыря же, этот Череповец! Сейчас увидите кое-что получше.

Он резко повернул направо.

Через несколько минут мы выехали на широкую площадь, окруженную многоэтажными зданиями.

— Площадь металлургов... Улица металлургов... Гостиница металлургов... Больница металлургов... Клуб металлургов... — весело пояснил шофер.

Комментарии, как говорится, тут излишни. Рабочий класс прочно утвердился в этом городе. Он его построил, и он стал его хозяином.

— А вот и наш металлургический...

К проходной завода шли рабочие: сталевары, доменщики, проектовики... Да, это была хозяйва города и завода. И когда несколько дней спустя нам пришлось бе-

седовать с ними, слушать их рассказы, мы еще раз убедились в том, что жизнь их наполнена вдохновенным и радостным трудом, что становится она все богаче и краше...

Десятки череповчан стали нашими друзьями. О некоторых из них мы решили рассказать читателям...

ТВОРЧЕСТВО

На металлургическом факультете Ленинградского политехнического института шло распределение. Молодые специалисты — народ разный: кто цеплялся за любую работенку, лишь бы остаться в Ленинграде, кто мечтал об уральской легендарной Магнит-

ке; были и такие, кто ни о чем не просил, терпеливо ожидая назначения.

Поездка в Череповец — сказали Томасу Мальченко — завод там новый, с большими будущими, первоклассная техника. Правда, с жильем пока плоховато — но трудности эти временные...

— В Череповец так в Череповец! — коротко ответил Томас.

В отделе кадров Череповецкого металлургического завода ему сказали:

— Зря торопились. Мартен еще строится. К тому же нам нужны опытные металлурги. Сюда едут с Магнитки, «Азовстали», из Кузнецка. А вы... Если хотите, идите пока диспеттером. А там посмотрим.

— Я хочу варить сталь, — заявил Мальченко.

— Но ведь у вас высшее образование!

Томас пожал плечами. Что мог он сказать? Мечта о мартене зародилась в его сердце давно, с тех пор как отец позаневоле его однажды с металлургическим заводом. Он навсегда запомнил бушующее пламя в мартенах, грохот металла, напряженные искривленные звонки, предупреждающие об опасности, и, наконец, самого хозяина огненного царства — спокойного, молчаливого сталевара, отдающего приказания сухими жестами руки...

— Я хочу варить сталь! — упрамо повторил молодой инженер.

— Что ж, поезжайте на Магнитку, учитесь.

И Томас уехал на Магнитку. На одну рубашку смятая третья подручник, не одну ночь провел без сна, вздрагивая от тупой боли в уставших мускулах, пока не привяк к горячему дымящему лещу, спящему свету, быстрой дороге за завалочных окном, к тяжелой лопате. Прошел месяц, и третий подручник стал вторым, потом первым. Он присматривался к работе своего учителя — опытного варщика стали Андриевского, изучал его приемы, читал и перечитывал брошюры, учебники, книги и добился своего, вернулся в Череповец сталеваром.

Знания сделали свое дело. То, к чему другие шли годами, он постигал за недели. И не случайно первую рекордную плавку на череповецком мартене дал Томас

Мальченко: он сварил сталь не за восемь, а за шесть часов сорок минут!

В двадцать месяцев лет Мальченко стал мастером — хозяином трех печей.

Всегда бодрый, жизнерадостный и отчаянный, он завоевал авторитет и уважение рабочих. Они выбрали его в комитиско по охране труда и заработной платы и теперь несут ему свои заявления с самыми разнообразными просьбами. И Мальченко добивается, чтобы Серова восстановили на работу; у него жена и трое детей; чтобы Тоно перевели на более легкий участок: она беременна; а Червякову правильно рассчитали зарплату за время учебы на курсах...

Помню, однажды в Москве на Крымском мосту ранним осенним утром я увидел юношу в спортивной куртке и красном шарфе. Он стоял перед мольбертом. Я подошла ближе. На холсте были река, делящая баржа, первые огни в полусонных домах, густой осенний туман... Сколько художников

уже отдало дань этому пейзажу! Но юноша работал с таким увлечением, с таким восторгом, как будто впервые открывал для людей и мост, и реку, и туман...

Когда в последний раз я пришла в мартеновский цех, Томаса не было видно. Я остановилась у завалочной машины, незлобно люблюсь ее четкой работой. Громкий хлопок, похожий на железную руку, захватывал и подавал мутью с ломом в раскаленную печь. Там он превращивал ее, отдавая железо на растерзанное оклюющему пламени, и возвращался обратно. И вдруг я увидела Томаса. Он стоял неподвижно и тонкими движениями управлял работой машины. Он делал это, наверное, в сотый раз, и делал уверенно, спокойно. И только в глазах его угадывалось то святое волнение, которое приходит к человеку, влюбленному в свой труд. В ту минуту Томас Мальченко напомнил мне молодого художника на Крымском мосту...

У Томаса Мальченко (второй слева) всегда наготове веселая шутка...

ФЛАГ ИЩЕТ АЛМАЗЫ

Не допускать брака. Переувольнять норму. Учиться. Вести общественную работу. Читать техническую литературу...

«Нет, с этим мне не справиться», решила Фая и отложила в сторону «Комсомольскую правду». Было поздно. Скорее же по общественной дано спать, а Фая все перебрала лаконичные строки обязательства соревнующихся за звание ударника коммунистического труда...

— Это не для меня. Это мне просто не под силу!

Посмотрим на нее и подумаем: действительно, куда ей, такой юной, крупной, тягаться с умными, опытыми рабочими, да еще парняком! Как-то не верилось, что в школе Фая Егорова первая вырвалась на белое рылово поле и прокладывая для мальчишек лыжню, что ее на пугали холодная вода и промозглые туристские ночи: что это она, Фая, ментала о путешествиях в дальние края, о поисках спрятанных под землей алмазов. Фая не могла забыть красивую, мужественную женщину, которая улыбалась ей однажды со страницы журнала! Подумать только, женщина-геолог открыла первое в стране месторождение алмазов!

Когда окончила школу, подумала, куда пойти: в институт или на работу! Вокруг все говорило о том, что заводу нужны рабочие. И как-то само собой пришло решение: надо идти на завод.

Она оставила мечту о прекрасных алмазах и поехала в Ленинград учиться на фрезеровщицу.

Впрочем, assieme бегает алмазы... Один — это те редкие минералы, которые находят в земле, а другие выходят из-под твоих рук. Только можно уметь мыслить. И тогда черным брусок металла, превращенный тобой в сверкающий резец, станет таким же алмазом. И радость труда будет не меньшей, чем радость открытия... Так думала Фая, когда впервые пришла в авторемонтный цех. Так думает она и сейчас, когда стала опытной фрезеровщицей, всеми уважаемой и любимой. Никто в большом цехе и не называет ее иначе, как «наша Фая».

— Посмотрите, как работает наша Фая, — говорили мне рабочие. — Спокойно и в то же время

Василий ЖУРАВЛЕВ

КИЗИРСКИЙ МОСТ

В тайге строителям почёт! Здесь мост построить — дело чести! Кизир шумит, Кизир течет, а берега стоят на месте...

Пролеты одолев с трудом, уложили рельсы и все вместе дорогу дальше повели, оставив мост стоять на месте.

РЫШЕ

Выше река разливает туман древних пихтовых кручи. Выше пихтовых — быстрый сапан под грозовую тучу.

Выше тучи — голость голы, змыи ледяные вспыхив.

Выше голыца — только наши сердца да буровые вышка.

ФЛАГ

Сутулые кедры, грозны и грузны, исчерпав терпенье запас, на полутьну поостыли от нас, не выдержав крутизны. А мы, силу волн собрав в кулак, штурмом беря каждый шаг, наш зоревой воздружили флаг на крышу голыца Чебулак.

ИДУ НА РАБОТУ

Ручей без речей. В нем влаят остстки помылок за ночь мороз. Забылши гнезда грачей, словно шапки, на сучья белесых берез.

Все ноги постер. Под фуфайкою шаг, иду, тяжелея в прешу...

Зачем мне костер, если солнце апреля уже поддпало таягу!

На каждом шагу в ворах дбадызы — алмазы сибирских пород.

Рисунки В. Орлова.

ИЗ СИБИРСКОЙ ТЕТРАДИ

сосредоточено, напряженно, без единой минуты простоя!

— Перевыполняет нормы, учится, не дает брака, читает... — перечислял секретарь цехового комитета комсомола.— Фая Егорова первой из девушек стала ударником коммунистического труда на нашем заводе.

— Показанному сбываются мечты. Фая не нашла драгоценные материалы, но когда ей вручили грамоту ударника, она знала: мечты сбываются.

«СПАСИБО»

Впервые я увидела его в тесной комнате заводской многотиранки. Видимо, его здесь хорошо знали.

— Как зовутесь, Александр! Где сейчас работаете, не собираетесь ли уиться? — наперебой спрашивали сотрудники редакции.

Он отвечал медленно, с растерянным, как будто боялся сказать что-нибудь лишнее:

— Спасибо, вроде поправился. С завтрашнего дня становлюсь контролером ОТК. Поступлю в техникум... — И после длинной паузы добавил: — Я вот стихи принес.

Он положил на стол белый листок, пощипывая и направляя к двери.

Это были особенные стихи, точные зарифмованные письмо, тонкий перечень фактов, изложенный простым языком, без метафор, гипербол и сравнений... Автор благодарил рабочих — своих товарищей.

...Александр Алмазов жил, как сотни людей его поколения. Из двенадцатого класса пошел на флот. Там юношу научили не бегать в кубрик от штормовой волны, не спать, когда от усталости слышится глотание, укрепись в нем чужество товарищества.

Однажды он сошел на берег, чтобы больше не возвращаться на корабль; служба кончилась. Александр поехал на Череповецкий металлургический завод. Он быстро овладел специальностью формовщика, получил отдельную квартиру в новом доме, занялся общественными делами. Все устраивалось как нельзя лучше. И вдруг сильный, закаленный человек начал чувствовать усталость, слабость. Он с трудом дотягивал до конца смены и еле тащился домой.

«Наша Фая», — говорят об этой девушке на заводе.

Болезнь надвигалась медленно, постепенно охватывая человека своими страшными щупальцами.

— Оперировать, — коротко говорили врачи.

Он не соглашался, спорил, убеждал себя и их, что все это чепуха, скоро пройдет. Нет, Алмазов не боялся операции. Его страшило одиночество. Почему-то казалось, что больница оторвет его от людей, от завода, сделает никому не нужным человеком.

Но врачи все-таки настояли на операции. Александр лег в больницу. Он и не знал, что за ним внимательно следил весь цех. А когда пришел первый пакет с деньгами, Алмазов растерялся.

«Кто в такой? Простой формовщик, два месяца получаю по бюллетеню... Год не работает Алмазов, а год помогал ему завод...»

...Алмазов перестал спорить. Делал все, что говорили врачи. Не бросал в окна пилотки, не выливал из сыпучки горькие лекарства. Терпеливо, не двигаясь, лежал он под рентгеновским аппаратом, чувствуя, как входит в него счастливая уверенность, что все

будет хорошо, что настанет такой день, когда он сможет прийти на завод и сказать им всем: «Спасибо!»

И такой день настал. Завод снова принял Александра Алмазова, нашел ему место в цехе, предоставил работу, которая больше всего соответствовала состоянию его здоровья.

И тогда Александр написал стихи...

СУДЯТ ТОВАРИЩИ

Не думал Юрий Киселева, что этот вечер окончится так печально. Все началось с того, что собрался он на занятия, а попал на танцы. Его затанцевали туда дружки, те самые, с которыми нередко болтался по вечерам, а иногда и выпивал. Дружки нигде не работали и мало чем интересовались.

— Дурочек! — смеялись они над Юрием. — Понесло тебя на завод, да еще учеником! А когда узнали, что Киселева поступил в восьмой класс школы рабочей молодежи, не давали покоек: «В примерно-показательные

метилье? Не выйдете: больно заребристы!»

На танцплощадке дружки увидели у кого-то из парней портфель, расхотались, бросили в человека что-то липкое и обидное. Что было дальше, Юрий почти не помнит. Где-то в кустах остался портфель с книгами, красным пятном врезалось в память лицо избитого парня...

В милиции он молчал. Следователи, немало повадничав на своем веку таких «рабобоев», поняли: Киселев был так случайно, пусть его судят товарищи.

Просторная комната красного уголка с плакатами, доской рационализатора и таблицей шахматного турнира мало походила на зал судебного заседания. Но, пожалуй, в этой комнате Юрий чувствовал себя еще хуже. Он знал: люди, которые пришли сюда, не пожалуют его, Юрий Киселева, потому что он подал их коллективу, навлекая на его честное, трудовое имя...

Товарищеский суд — это выражение совести коллектива, его мыслей, убеждений, моральных принципов. Именно в этом его сила. Здесь нет свидетелей, прокуроров, адвокатов; каждый, кто приходит сюда, одновременно и судья, и прокурор, и защитник. — Он нас осрамил, а мы его защищать должны, — сказала другая. — Ни за что!

Эти люди, прошедшие большую школу труда и заполнившие сегодня красный уголок, были и суровыми, и добрыми. Им хотелось, чтобы парень устыдился своих поступков, чтобы на всю жизнь запомнил этот день. Потому-то стоял жесткими быль их слова.

Но Юрий устоял. И вдруг он резко повернулся в сторону фотореспондента:

— Не смейте фотографировать! — крикнул он. — Что я, преступник!

— Какется, пропало, — усмехнулся сидевший рядом со мной слесарь-инструментальщик Паничев...

Когда началось голосование, поднялся лес рук. Рабочие брали парня под свою опеку, обещали исправить его, но предупредили, что если оступится, если по-

Иду проводить на Туймазы чужаки
клокочущий нефтепровод.

САРАНКИ

В зори ясные
возле реки,
возле нашей станицы,
очень красивые,
словно флажки,
расцветают саранки.

Среди маяков и мятя
ведут переплесе
на гармонике плавник.
И резвятся агнята,
как только у нас
расцветают саранки.

Я тебе говорю:
к чабанам бауты,
позабыв перебаранки,
в гости к нам
приезжай на цветы,
приезжай на саранки.

НЕ СПИТСЯ

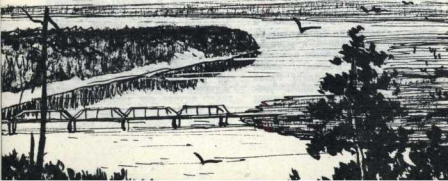
Твой образ все ясен
в глуши таежной сини.

Иголки на сосне
смуслились, как ресницы.

Ты спишь мне во сне,
и мне от слов не спицца.

НА ПОРОГЕ

Пора любви и становленья.
Идешь с оглядкой,
чуть дыша,
в надежде —
время и терпенье
все нерешенное решат.
И ты в свою дорогу вернись.
И все ей
пред тобой, твой сад,
Войди!
Вломись!
Захлопни дверь
и больше не гляди назад!

ведет товарищей, ни один голос не раздастся в его защиту.

Расходился судья, деловито, по-хозяйски обследова слушавшийся. И видно было: таме сумеют наладить порядок и в своем коллективе, и в своем доме, и на своей усадьбе. Для этого не всегда нужно вмешательство государства—сами справятся!

УЧАТСЯ ВСЕ

— Что со мной разговаривать!— ответил Александр Варлыгин на нашу просьбу рассказать о себе.— Биография у меня самая что ни на есть обыкновенная. После ареста пришел строить завод, теперь работаю машинистом на ТЭЦ.

— Учитель?— спросила я.— Конечно. У нас все учатся. После семнадцати лет перерыва тяжело мне, конечно, приходилось. А теперь работать легче стало: через каждые четыре дня—выходной. — Он помолчал и вдруг неожиданно попросил: — Вы только обо мне, пожалуйста, ничего не пишите. У нас в классе сорок шесть человек, и все рабочие завода.

...Вечером по широким тротуарам горюпятся, бегут куда-то люди. Кто они, эти парни и девушки с сумками и портфелями? Куда так спешат, на ходу дожевывая пирожки и обмениваясь короткими фразами?!

Череповец идет учиться. Не везде можно увидеть такое массовое стремление к образованию. У металлургов Череповца учится каждый третий. Никого не удивляет, что горновой Кондаков, у которого и хорошая зарплата, и отличная квартира, и всевозможные блага, поступил в институт. А машинист аглоферии Ведини,

отец тронх детей, сначала окончил школу, а теперь и техникум. Это парастало быть обязательным. И когда в кавалерию начали записывать их фамилии, мне наперело называли еще десятки других, у которых тоже семья, дети, и работа на заводе. В основном политическом институте занимается 256 человек, в металлургическом техникуме—458, в школах рабочих—более тысячи. А сколько рабочих поступило на курсы подготовки в техникум и вузы, на курсы повышения квалификации, в Череповецкий университет культуры!

ТАНЦУЕТ НИЛА-БАРАБАНИЦА

В бешеной пляске кружится на сцене Нила-Барабаница. Блестят глаза, сумасшедшая улыбка искажает красивый рот... Все есть в этом танце: и нежность к закатникам, для которых она должна была танцевать, и торжество по свободе, и обиды простой честной девушки, которая в глазах своих горожан вынуждена стать предателем.

Я видела «Барабаницу» Салынского в Театре Советской Армии. Там много было лучше, но здесь подкупала искренность, бьющая через край радость любителя, ставшего актером.

Народный труд—вещь не новая. Но здесь, в городе, где когда-то не было ни одного драматического театра, театр—гордость металлургов.

В краеведском музее у входа потерял пригластельный билет чуть ли не столетней давности. Кавалерию любители приглашали мжалообщие посетить их концерт. Они общались, что в антракте «воду и конфетки» будут продавать—самые красивые девушки города.— Думал ли те любители, что а их Череповец создадут театр, в котором станут играть свистеры и полтинники... Сказали бы им тогда, что повяется у любителя сцена и кулисы, костюмы и софиты, а главное, благодарный, отзывчивый зритель,—пожалуй, и не поверили бы.

— А я вот всегда влюбил— Николай Николаевич Корский, художественный руководитель и режиссер народного театра, большие шагали верил в творческую комнату для репетиций.— В деревне все смеялись над этой глорией: «Фантасм, ты, Колька!» Драматические кружки— не твое дело, да и пугает это занятие, больше для бездельников, чем для серьезных людей.

...Кляса с детства любила читать стихи. Заберется, бывало, куда-нибудь в сарай, достанет потропанную тетрадку с переписанными стихами и читает, читает, читает... Потом бьет фарт, радостно кричит, заводит по по-прежнему больше

Сегодня последние репетиции. Завтра Нилу Барабаницу увидят сотни зрителей—рабочих и работниц.

всего танцую к театру. Бросил все, окончил режиссерский факультет при Доме народного творчества в Москве, получил право руководить драмкружками. Он приехал в Череповец, когда там не было ни одного клуба. Приходилось обходить деревни строителей за несколько километров. Но зато как приятно было слышать: «Ребята, артист пришел, собирай бригады!» Эта бригада умела делать все и так танцевать, и рассказывать, и даже вынуждено выслушивать мнение зрителей.

Комсомольцы отдали артисту студию в клубе металлургов Театры, хорошие, выдумываемая, пробуй!» И потянулись к Корскому заводские таланты. Сначала ставили одностопные пьески, потом комедии, а теперь драмы и до драмы.

...Танцует Нила-Барабаница. Завтра она пойдет в цену, пойдет к своему народу и, наверное, попросит, как это говорят, «подарить», красноречивая Зина Нецовой, совсем как настоящей актрисе, преподостит букеты цветов. Пойдут на работу и товарищи—актеры театра—форалион Славя Румянцева, обречен Лева Крапови, машинист Гена Малыхова. Гад-то в Ворошиловграде учился на курсах оператор блокнота череповчан Валентин Черехов. Он не смог принять участие в «Барабанице». «Пожалуйста, не забудьте оставить мне роль в новой пьесе»,—писал он Николаю Николаевичу.

ВЕЛИКОЕ ПРАВО

Последний раз мы шли на завод ранним утром. Энергично вставали девушки в лыжных брюках и цветных косметках, низко надвинутых на лоб.

Было что-то гордое, уверенное в этих девушках и заводу. Кто дал им великое право быть хозяином своего города, своей страны? Кто сделал их труд преобладающим в городе, а отдачу—обязательной наградой за труд? Кто вернул на завод Алмазова, посидел за парту Варлыгина и привел на сцену народного театра красавицу Зину Нецову?

Макаренко как-то сказал, что хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю в нашей стране реально поназано слово «Человек». Любовь к человеку, забота о человеке, уважение к человеку— вот что главное в Советской Конституции, вот откуда та щедрость, с какой она одарила людей великими правами на радость, свободу и труд. Впервые в истории понятие гора зазвучало прекрасное слово «Человек». Закон всеобщего равенства и солидарности открыл невиданные возможности для расцвета мелоческой личности.

Конституция провозгласила право на труд. Но разве это только право на получение работы и заработной платы? Нет, это право творчество, создание и enjoyment. Недаром творческая инициатива увенча в семилетнем плане. Не будь такого отношения к труду, разве мог бы мы только на одном стремлении к материальному благополучию привести страну к тому подъему, какой переживает она сегодня? Разве могли бы так быстро увеличиться выплавку стали за два года семилетки на 10 миллионов тонн

(для чего США потребовалось 12 лет!), если бы ставлерами не были такие парни, как Алмазов и Черехов, которые дали право ударником коммунистического труда на заводе, где работает несколько тысяч человек, стала деловитая Нет, не случайно, Советская Конституция зафиксировала равные права мужчине и женщины. И женщины не подвели...

Наш советский строй сделал трудом и делом каждого человека. Когда я видела, как поздно вечером идут по городу патрули народных дружинок, как на собраниях принципиально и убежденно защищали коммунистический закон, как товарищи судили нарушителя общественного порядка, как внимательно слушал своих депутатов горновой Иван Гречушник, я думала: вот она, подлинная демократия—живая, ошутимая, действенная. Народу даны колоссальные полномочия, и он умеет ими пользоваться.

Сосем недавно в Череповец открылся университет культуры. Три раза в неделю на разных факультетах проходят занятия. Учительница из комзавта Бетховская и поэтесса Лермонтова, о Веласкесе и Станиславском.

Им это уже не просто интересно, им это нужно. Право на образование, право на интеллектуальное развитие, на интеллектуальное обогащение. И не случайно так настойчиво повторял Саша Варлыгин, что у них все учатся. Это не случайно, когда мы ищем на фотографиях Луны хребет Советский и море Москвы. Новая техника, новые науки, новые открытия на космолоне, требуют ежедневного расширения знаний. Недалек тот день, когда рабочий без высшего образования не сможет управлять сложнейшим станком, не сможет строить школы, техникумы, институты. Вот почему в мальничем Череповеце не хватает пар и аудиторий для всех желающих учиться.

Когда я узнала историю Александра Алмазова, то вспомнила юношу из Бордо, с которым случайно познакомилась во время Московского фестиваля. Он спросил меня о курорте и долго не верил, что отдыхать на курорте может каждый советский человек, что деньги на отдых ему дает профессия. Вспомнила я и школу в одной московской поликлинике. Как-то вечером к зубному врачу привели почтенную англичанку. Кисово же было ее удивление, когда она после осмотра оказалась взять деньги. Англичанка обиделась. «В нашей стране,—сердито заметила она,—бесплатно лечат только бедняки и ищущие. Правда, она не сказала, сколько платят врачам остальные, но мы-то знаем, что сумма эта не маленькая».

...А люди все шли и шли к заводу. И были среди них и молодые, молодые, которые устраивали вечера комсомольскую свадьбу и получили в подарок от завода комнату; и любивший свою страну рабочий-создатель Томас Малченко; и депутат городского Совета Иван Гречушник; и самый молодой отец на заводе машинист Бордо. Тут же мы только как сложится жизнь его трехлетней дочки Славены, но в одном уверил машинист: для счастья, а не для траво и лишений рождается в его стране человек!

Алла ГЕРБЕР

АВТГА БУДЕТ ПОЗДНО

Рассказ

Он сказал, что завтра будет уже поздно. Майя могла не обратить внимания на эти слова, как не обращала внимания на самого Геньку и на все, что он до сих пор говорил. Но сказанное сегодня прозвучало как предупреждение.

Когда утром она подошла к остановке, Генька был уже там. Он ждал ее. Поздоровались. Генька спросил, не опаздывает ли она на работу. Майя посмотрела на часы и ответила, что нет. Потом они помолчали. Майя ждала, что Генька заговорит о том, ради чего стоял сейчас здесь и о чем столько раз говорил ей.

— Она прекрасно ждала, с чего он начнет: «Ты вчера опять была с ним? До поздней ночи не горел свет в твоём окне». Или: «Мне нужно с тобой поговорить. Всего несколько слов. Надеюсь, ты не откажешь мне в этом...»

Обычно Майя смеялась ему в глаза и говорила, что нет свободного времени. Так продолжалось снова и снова — вот уже три года. И, может быть, оттого, что за три года Майя привыкла ко всему этому, сегодняшняя встреча не показалась ей необычной. Она, как всегда, ждала и, когда Генька negroмо заговорил, как всегда, рассмеялась. А Генька, опустив голову, тихо, будто стесняясь, говорил:

— Знаю, ты вчера была с этим пикником. Я долго ждал тебя... Майя, нам нужно поговорить. Обязательно сегодня! Ты поехала на следующем трамвае, хорошо?

Трамвай ушел, а Майя осталась на остановке: незачем же было вот так вязать и ухать. Какой все-таки смешной этот Генька: сейчас опять заговорит о любви и, наверное, будет просить не торопиться с ответом, поудумай! А о чем думать? Все давно решено, обо всем сказано: Генька — хороший, даже очень хороший товарищ. Майя его уважает, кажется, больше всех и даже любит. Ну, конечно, любит не так чтобы... а просто!

— Понимаешь? — ласково спросила девушка, касаясь Генькиной руки.

Но парень упреко качал головой: нет, не понимает. Ему нужно, чтобы сейчас поняла его.

— Майя! Ты должна ответить мне сегодня же. Обязательно сегодня! Потому что завтра будет уже поздно. Слышишь, Майя?

А она уже входила в вагон

трамвая и потом все время, пока ехала, думала о последних словах Геньки. Завтра будет уже поздно...? Почему завтра и почему поздно? Так Генька раньше не говорил.

Отбывая на клавишах машинки часовой рубки, вставляя в каретку чистые листы, Майя думала об угнетенном разговоре.

— Майя, не мечтайте, ради бога! — выводил ее из задумчивости голос редактора. — Третья опечатка на одной странице!

Девушка краснела, а когда редактор, прочитав мораль, скрылся за дверью, показывала дверной замок.

Станулся все это, скажем, год назад, когда Майя еще ничего не смыслила в жизни; она непременно расстроилась бы и, наверное, даже заплакала от обиды. Но так уж устроен свет: человек привыкает, приспосабливается ко всему. Не зря ведь дома о ней говорили, что девушка, слава богу, стала на ноги, не надеясь, как другие, на дипломы да институты.

И это верно. После школы Майя пыталась, правда, поступить в медицинский, сдала даже вступительные экзамены, но по конкурсу все-таки не прошла. Конечно, вначале сокрушалась, металась по другим институтам, на что-то надеясь, а потом вдруг взяла и поступила на курсы машинистки. Плохо ли, хорошо ли это — не знала. Только через год, после того, как приехали на работу в редакцию, Майя поняла, что свет киноном не сошелся на институте и совсем не обязательно учиться на врача или инженера только для того, чтобы получить высшее образование. Больше того, она теперь была даже убеждена, что в жизни все значительно проще, чем многие предполагают. К этому выводу Майя пришла не сразу. Да, пожалуй, она и не делала никаких выводов. Просто она так считала. Вот и все. И если бы не сегодняшняя встреча на трамвайной остановке, принцип этот остался бы непоколебимым.

«Завтра будет уже поздно...» Глушится какие! Не нужно об этом и вспоминать. И Майя старается думать о другом: о предстоящем свидании, о чудной зашпеченой сумочке в витрине универмага, о редакционных сплетнях и машинистке Быстрицкой, воссоединяющей во время работы на вышгородской свалке укороченное.

Больше всего Майе хочется, чтобы сотрудница не слышала, как

Рисунок Н. Подиванова.

отпечатывает ее редактор. У Быстрицкой, конечно, приготовлена на этот счет слепята, которая в обеленный перерыв станет известна чуть ли не всей редакции. «Завтра будет уже поздно...» Почему?

Обеленный перерыв проходит шумно и очень быстро. В столовой много знакомых, а со знакомыми Майя веселась. Но сегодня она почти не смеется остротам своего собеседника — высокого элегантно бронежиста из отдела хроник, предложившего ей прогуляться после работы на свежем воздухе. Она даже не сразу понимает, о чем он говорит.

«Почему завтра будет поздно?» — вопрошаетливо смотрит Майя в глаза бронежиста и отвечает, что сегодня вечером она занята. Завтра? Завтра, наверное, тоже.

— Очарователем! Не правда ли, Майячка? — встречает ее в машинном буре расплывавшаяся улыбка Быстрицкой. — Впрочем, говорят, он женат! — и многозначительно вздыхает.

В другое время Майя обязательно сказала бы Быстрицкой что-нибудь очень зыблительное. У нее даже приготовлена на всякий случай колкая шпилька: «Наверное, в сорок пять лет так же легко все замечать, как в двадцать и обращаться ни на что внимания! Уж что-нибудь да обяза-

тельно придумала бы Майя, но сегодня просто не хотелось рта раскрывать. В голову лезла всякая чушь, и все казалось в одинаковой степени страшным и выполнимым для Геньки. О, Геньку она знала хорошо!

Кажется, еще в седьмом классе Генька, рыжий мальчишка с навальными злыми глазами, сказал, что он ее любит, но писать стихов, как это делают другие, не будет. Не потому, что не может, а просто не желает. Тогда же он потребовал, чтобы она не дружила с восьмиклассником Усхиным, иначе обязательно его отпугит и вообще станет систематически бить. Майя не знала, был ли Генька Усхиным, но дружила с восьмиклассником вскоре неожиданно повзрослев. В общем, сколько она помнит Геньку, он никогда не отличался добродетельностью, и жалеть от него можно было нечего.

Только сейчас Майя подумала о том, что Генька может подарку лететь ее вечером с провожаткой и затеять драку. Ведь не зря же он каждый раз упоминает о тех, кто ее прожалеет! Этого еще не хватало! Может, поговорить с ним, а? По-хорошему поговорить. Он поймет. Все-таки он не такой, как все, с кем она бывает на танцах — тем только бы недовольно да говорить пошлости...

КТО ЖЕ ЛЮБИТ

Мая вспомнила, как однажды Генька плакал — да-да, по-настоящему плакал — и ей стало смешно. Смешно и грустно. В то лето, когда капитан Школьников поехал работать в колхоз. Ребята поминут, проламывая стекло, вынимали на солнце и чудовищно завывали Геньку, устроившиеся подоловом. Но на этой славидной должности Генька пружался недолго. Вскоре он был смещен и заменен бойким деревенским панамом того потому, что Генька не был лодыж и поэтому привозил воду в поле с большим опозданием. А ночью после этого Генька плакал. Сквозь слезы он доказывал, что вот и ни капельки жалел о бойках — черт с ними! — а паная все-таки сволочь, потому что этот лодыж.

Чудак был этот Генька! Он, например, уверял, что может, как черт, по исколду двести километров не пить. Конечно, Мая не поверила. Генька обиделся и сказал, что она еще больше знает людей. За короткое время он так напугал и приворожил Мая, что она, склянничась, как-то на уроке проглотила ему пирожок. Генька молниеносно проглотил угощение и смущенно признался, что вербасовая жизнь, оказывается, есть и очень несладкая.

Это воспоминание развлекло девушку. Домой она возвращалась, забыв о дневных неприятностях. На Бистрицком озере пошел сильный дождь, и Мая, сама не зная отчего, обрадовалась ему. О назначенном на вечер свидании не хотелось и думать.

Из дневного покаяния перебрала школьные тетради, искала учебники и во всем находила вольные подробности неданного прощлого; но главное — Мая обиделась, обиделась, что все ее прошлое так или иначе связано с Генькой, с юношей. Генька был всюду: в школе, в летнем лагере, на катке, на улице и даже в милиции. Мая была уверена, что вместе с требованием выпустить пойманных на улицах бездомных, со всем. И всюду его рыжее, ужасно беспорядочные вихри! — Мертвый Генька!

Мая долго ворочалась в постели, а утром тревожно: придет или не придет?

Мая ждала на остановке не было. Мая пропустила несколько трамваев и чуть не опоздала на службу.

Как-то совсем неожиданно, уже сидя на маршруте, Мая сделала вдруг открытие: она и, Генька, и все те, кто обижает ее с недавних пор, стали взрослыми. Такая мысль никогда раньше не приходила ей в голову. И оттого, что открытие это заставило Майю по-новому, совсем другими глазами взглянуть на жизнь, она растерялась.

Вспомнилось, что настоящее, которую она жила, до убогости пусто и однообразно. Оказалось, что и она, Мая, стала другой, чем-то немаленько похожей на Бистрицкий. Это сходство невозможно выразить определенно, но оно было!

Растворенное настужо око не приносило прохлады, и когда с улицы порывалась завывающая звук сарены «Скорой помощи», Мая вздрогнула. Не раздумывая, она отскочила в телефонной книге номер справочного городского больницы и она никак не могла, разговаривая, искала себе оправдания.

Генька в большие не оказалась, по крайней мере в списках не значился. Но успокоения это не приносило. Получалось, будто она была виновата в Генькином несчастье. И тогда, когда Генька отстрелся, Мая не сомневалась. Он же сказал: «Завтра будет поздно». А это значило, что Геньке очень и очень трудно.

Мая знала, что бы отнятия Геньку, будь он здесь. Наверное, потрела бы его рыжий чуб и сказала, что-нибудь ласковое, по настоящему хорошее. Может быть, что прошло детство, а они по-прежнему остаются друг другу мальчишка и девчонка; что, как бы ни сложились судьба, дружба навсегда соединят их вместе. Да мало ли хорошо можно сказать человеку, с которым вместе рос, которого знаешь, как самого себя? Все это Мая и скажет Геньке сегодня. Она убеждена, что отчаяние — уже сейчас, а борьба за счастье — еще впереди, как написала поэт. Кажется, неплохо прозвучит! А главное, чтобы он не выжил: будущее и, строить его лучше собственными руками!

В этот день Мая уже не была расстроенной, не делала опечатки и не вздрагивала, когда открывалась редакторская дверь. Она работала сосредоточенно, не отвлекаясь, даже когда в машинном бюро прсысали от рассказанного вчерашнего анекдота.

А когда закончилась работа и сотрудники згремели ключами, запирая столы, Мая заторопилась...

Знакомая улица. По этому тротуару много лет подряд бегала она в школу, здесь прошло детство. Здесь был и дом, в котором жил Генька.

Этот дом Мая хорошо знала. Вскоре она была там, там она вволю была много оконные стелла; в подъездах по вечерам курили подростки, стремившиеся скорее стать взрослыми. Все это хорошо Мая знала: и быт, и нравы, понимаемая, но лестнице, она знала, что кое-кто с любопытством смотрит ей вслед. Если девушка звонит у Генькиной двери, то это, по их мнению, непременно кто-нибудь значит!

А это не значило ничего, потому что отворившая дверь старуха — сколько Мая ее помнит, всегда чем-то недоуменно, — живоливо сообщила, что Генька дома, а Генька вчера уехал куда-то очень далеко и, кажется, навсегда.

Вот так вас и растит! — сердито забормотала старуха. — Лезь из кожи, корни, воспитывай, и за все, пожалуйста, благодарности! Уж так-то что осваивает! Как это, по-вашему, называется!

«Завтра будет уже поздно», — сказала тогда Генька. Спускался по лестнице, Мая поняла, что это «завтра» уже наступило, и ей стало очень обидно. Отчего? Может быть, оттого, что она была рыжее, гонимых по двору мая, бегает не она, а худенькая девочка с голубыми ленточками в коротких косичках; может, и оттого, что задала ей вопрос старуха. Бистрицкий опять многозначительно заговорил о высоком бронеете из отдела хроник; или, скорее всего, оттого, что где-то есть необозримые дали и, она никак не могла, разговаривая, искала себе оправдания.

Правильно эти новые. Они только что отгруппировались. Но посетители ушли. К приходу иррипачному помещению подошла большая группа людей. В помещении на мягкой सोленной подстилке лежал чернотелый человек. Вокруг него лежали — ни кормуши, ни автопилоты, ни аппараты. Вокруг него — интродуцированной аппаратуры, ничего того, что можно увидеть в обычных махансиризованных норвежцах. Экскурсовод, заметив недоумение посетителей, привел их пройти через раскрытую наверху боковую дверь на асфальтированную площадку. Здесь тоже не видно механизмов. Только сверху выхлуд из помещения на площадку, направляется по навес и большим столам сена и чероз деревянные решетки достают корм. Прямо на площадке — кукурузный силос, который буренки тоже уминают вволю. Поредание — коллектантная автопилотка.

— Вот это да! — не удержались они из присутствующих, молодой парень. — И механизмов не нуно! Парень рассказывает, что Ленинградский завод, где он работает инженером, помог построить колхозу механизированный норвежник. Смонтировали подвесную дорогу, поставили сотню индивидуальных автоматов. Столько металла, бетона ушло! Оказывается, можно обойтись без этого.

— Сколько тут норвеж! — дрыпается высокий человек в кожаном — Пятыйдет. — Вот? — Да? — Вот?

Экскурсовод представляет гостям высокую девушку в белом халате, покрытом пальто и пророй носынке — Любу Сысевичу. Читатели «Смены» знакомы с ней. В 21-м номере журнала, в очерке «Два часа, Люба», рассказывалась об этой дочери из порховской деревни Ивановна.

Люба говорит экскурсантам, что в колхозе Иван ХХ Пятыйдет за ней задремало, то норвеж и она. Успешно справляется с работой.

Ступившая уверенность голубой девушки и невольно сравнивается с ее колхозом лучшей молочную ферму Америки, принадлежущую ферму Боумену, где побывала советская сельскохозяйственная делегация. Официальные лица любят показывать эту ферму иностранцам, там несутся удобрения, специальный завод для туристов. На «мировой ферме» как минимум есть огромные рекламные щиты, 175 коров обслуживают три человека.

А в подосновном колхозе два человека обслуживают 200 коров! Как тут не вспомнить заявление министра земледелия США Джона Бенсона, что советские люди «нигде не смогут достичь уровня производительности и предпринимательской изобретательности, пока теория достигается в свободном обществе»!

Люба смеется: — Остается на совести министра земледелия США сказать, что такое это.

А что касается урнов, то

маша Ивановна уже давно обогнала Америку. На производство центнера молока она тратит 3,6 часа, а американки — 4,7. Люба приглашает группу людей посмотреть дельную площадку норвежца, так называемую «челювину».

Последние небольшие помещения сделали трамвая — рабочее место трамвая. По сторонам — два ряда дощатых гряд. Совсем недавно эти гряды занимают они, но в намодра ряды можно поместить по шесть норвежцев. Они сидят на гряде, а под урлом, образуя «челювину». Так же можно сделать и если обычный дельный чал на 16 норвежцев занимает 165 квадратных метров площади, то «челюва» —

Как ведется дойка? Очень просто. Доира отвечает рычагом доильного аппарата. Потом слегка тянет за пружинный трос, который соединен с заслонкой, и самая дальняя от входа норвежка наполняется концентратом. После этого поочередно наполняются остальные норвежки, и все шесть. Включив доильные аппараты, доира точно так же готовит второй ряд.

Можно одновременно доить двенадцать, а то и больше норвеж вместо шести, которых вмещает наша колхозная дельная площадка. Одна доира сумеет обслужить полтора десятка норвежцев, другая — восемь.

И еще дальше отгруппировать Америку, добавляет один из присутствующих.

Особенно заинтересовалась «челювину» молодой инженер. Он записывает в блокнот технические данные, снимает размеры деталей.

Рядом с норвежником расположено длинное приземистое помещение — синярини.

В таком типовом синярини, который можно встретить во многих хозяйствах Ростовской области, всего два человека обслуживают 2 500 животных.

Зерофант Люба. Ивановна Ирикская называет инчону, и описывает механизмы, доставляющие корм, убирающие помещение.

Экскурсовод сообщает, что на центральном ферме синей раскочует 2,2 челювину-челюва, а у американцев —

— Шесть и три десятых, — отвечает Миргородский.

Зерофант называет «свободного общества», — говорит кто-то, — обсканила его чуть не втрой! Кругом смеются.

Ониленно обмениваясь мнениями, экскурсанты покидают павильоны. Можно не сомневаться: они широко распространят эти новые, такие обидные методы содержания животных. Значит, пойдут тысячи других хозяйств, и некоторые тоже оставят позади американские изобретения.

Пройдет неостановленное время, и министру земледелия США придется опомниться, что сделал, что стоило неосмотрительное заявление!

С. ЛЮДИЛОВ

Люба Щепетова, молодой инженировед из совхоза «Миндиревский», рассказывает экскурсантам Выставы о работе механизированного синярини.

Сейчас, когда партия и правительство приняли постановление «О мерах по увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода», роль работников, борющихся за улучшение нашего быта, неизмеримо возрастает. Оказывается, и на эти «незамысловатые» производства, лишенные на первый взгляд романтического ореола, рождаются сложнейшие технические задачи, требующие творческого воображения и неугасающих исканий.

Но как мало знаем мы о жизни и труде работников швейного производства! Хорошо поштыть костюм оставляет в тени своего создателя.

Умекательную загадку, веками волновавшую швейников всего мира, разгадала молодежь Можайской швейной фабрики имени Первого мая. Иной рассказавший нам Лёся Лисина, участница этих интересных событий.

Вот опять я вспоминаю тот вечер в подготовительном цехе. На длинном столе разложено большой отрез шерстяной ткани. Иван Михайлович Аминин, Таня, Шура, Лида и я малом размечаем настели. Нам давно пора уйти, но Иван Михайлович заново просматривает таблицы, и мы кройши друг к другу. Четыре куся ткани покрыты картоном. На концах отрезов я между выкройками проглядываю ткань. Мне становится «дот слез обидно. Неужели напрасны все наши усилия!»

Ведь ткань, которую я вижу,— это будущие остатки. Их меньше, чем раньше, но они есть. Почему? Разве я неверно считала? Иван Михайлович берет таблицу, выкладывает ее логарифмическую линейку и лихорадочно начинает что-то подсчитывать. Поздно! Это уже не поможет.

У меня нет сил ни спрашивать, ни начать. Иван Михайлович что-то смущенно говорит, Шура иронически напевает фокстрот «Напрасно ждать, напрасно вдохновляться...». Таня собирает выкройки, спортивно поворачиваясь, предлагает добраться до дома, лечь и уснуть.

Зачем я влезла за это дело? Может быть, мне действительно больше всех надо, как сказал мастер Сотни лет вокруг меня занимаюсь спокойной, наложенной работой. Зачем мне все это? Меня раздражает незоящая мелодия фокстрота. Мне хочется захватить на Шуру руки, и я уже не хатаю от сн. Лучше выйти на улицу...

На дворе уже зажглись фонари. Идет дождь. Тяжелые капли бесшумно разбиваются о матовые плафоны, и кажется, что над длинной цепочкой огней курится дымок. Вон там, за поворотом, у шоссе, стоит знакомый километровой столб с надписью: «109». Вспоминаю, как впервые шла этой дорогой на фабрику полгодом назад. Тогда, кажется, тоже был дождь. За эти полгода многое изменилось; трудно раставить все события по порядку, но я отчетливо помню первый день и все, что связано с ним...

Меня, окончившую десятилетку и ничего не умеющую делать, направили в подготовительный цех разнорабочей. Идя по двору, я

разговаривала сама с собой: «А что ты морщишься? Ты брела то, что хотела». «Направа! Я все не на того хотела. Я хотела другого». «А на что же ты рассчитывала? Думала, тебе предложат место диретора?» «Не нужно надеяться. Я вовсе не думала об этом. Но разве нет ничего другого?» «Другого нет». «Но ведь я училась десять лет. Я много знала. Много!» «А разве у тебя есть квалификация?» «Не нужно надеяться. Тем хуже для тебя. Начинать все сначала, если не хочешь быть иждивенкой». «Нет, не хочу. Все, кроме этого». «Тогда начинай все с самого начала. Но не забудь, что ты училась десять лет. Снова напрячь свой мозг, мобилизуй всю свою энергию».

Да, я хорошо запомнила первый день в цехе. Работы было по горло. Целый день я слышала одно и то же: «Лисина! Подой такой-то артикулу!» Хватали со стеллажа материал «такого-то артикулу», быстро несла его мастеру, клала на стол и возвращалась назад. И так до бесконечности...

По ночам мне снились штабеля отрезов на полках. На отрезках я вела громадные бирки с номерами артикулов, а с бирок в темноту любезными плыли цифры...

Когда закончилась первая неделя работы, я подвела итог. Я узнала, что такое артикул, настил, обмеловка.

Артикул— это отрез ткани. Например, артикул № 87—сорочкомерный шерстяной отрез, светло-коричневый, с нежной белой полоской. Такой отрез, скатанный в рулон, весит без малого два пуда. Настил—это часть отреза. Нальза—это раскрой отрезков метров ткани. Поэтому мастер берет вначале один кусок (метров десять, к примеру) и раскладывает на нем нужные выкройки. Потом они обводятся мелком, это есть обмеловка—и настил готов к рас-

крою. Мастер-обмеловщик—самая значительная фигура в цехе. Все зависит от него: как он разметит, так и будут кроить. Важно, чтобы как можно больше материала шло в дело. А так разметить ткань под снгу только опытному мастеру.

Дома я рассказывала обо всем этом маме, полюбила на стол старую скатерть и стала размечать ее мелком. Хотела показать, как нужно кроить материал, чтобы совсем не оставалось лишних кусочков. А у меня никак не получалось: ведь это—большое искусство!

Мама долго наблюдала за мной, потом заплакала, посоветовала уйти с фабрики и весь год готовить к поступлению в институт.

Но с фабрики я так и не ушла. Иногда мне удавалось в свободные минуты понаблюдать, что делают другие. А это было очень интересно... Я любила смотреть, как работает Седин, наш мастер-обмеловщик. У него рассчитано каждое движение. Возьмет пачку выкроек, подумает секунду или две, а потом раскидает их вприкирку одна к другой. Подоброт в руке мелок, прищурится и за минуту сплоскует всю ткань целиком. Посмотрит: не отрез, а картина...

Рабочие говорили: «И Седина глаз острый—от этого все и получается». А Седин только пожимался: «Дело мастера боится...» или мастер знает дело». Он то знал точно своему труду: от работы обмеловщика зависит продукция всей фабрики. Выкройки можно расположить на ткани так, чтобы они плотно легли одна к другой. Тогда остатков будет меньше, а значит, из того же отреза можно шить больше костюмов.

Но добитесь этого трудно. Только старые, опытные мастера владеют секретом размет-

ки. За десятки лет работы все они отыскали особую, наиболее правильную комбинацию выкроек. Седин—один из таких мастеров. Мне, наверное, понадобилось бы лет сто, а то и больше, чтобы научиться работать так, как он.

Как-то раз я впервые зашла в кройничью цех и была поражена. Оказалось, при раскрое четверть всей шерстяной ткани уходит в обрезки. И кройничьи не виноваты: они точно следуют за разметкой. А это по неакадемии полнота, что обмеловщики размечают всю ткань без остатка!

В тот же день я спросила мастера-обмеловщика, почему так много материала уходит в утиль. Это рациональные остатки, ответила мастер.—Они узаконены инструкцией.

«Хорошенькое дело!»—рассмеялся я.—А может быть, можно кроить ткань совсем без остатка!»

— Будет болати!—махнул он рукой.—Всегда так размечали и всегда так размечать будем.

Мне стало неважно, я ушла. Значит,—подумала я,—доказательно нельзя кроить материал без остатков, если обрезки даже в инструкции названы «рациональными...» Но настроение мое не улучшилось. Смотрела на густую сетку мирных меловых линий, покрывавших настели, и мне как-то не верилось, что четверть ткани должна превратиться в ненужные кусочки.

По дороге домой я разговорилась с экономистом из планового отдела и узнала, что в кладовой фабрики скопилось сорок тысяч метров «рациональных остатков!» Найти применение этим остаткам как нет никакой возможности. Утиль! А ведь сорок тысяч метров—это двадцатять тысяч костюмов!

«И кто только придумал это глупое название «рациональные остатки!»—думала я.—Разве остатки могут быть рациональными? Остатки уже потому не рациональны, что они остаются. Чепуха какая!». А разве нельзя придумать такую комбинацию выкроек, чтобы не оставалось лоскутной ткани? Ведь на этих лоскутках фабрика, как утверждал экономист, теряет три миллиона рублей в год. Стой какой!»

Случилось так, что вскоре после записки моего мастера в цехе было создано внеочередное, экстренное производственное совещание: из-за скопления «рациональных остатков» рабочих лишили премии. Остатков было так много, что фабрике перестали отпускать материал до тех пор, пока дирекция не развезет образцы в министерство и министерские цех назвали нужным местом.

Седин с беспокойством поглядывал на выступавших и то и дело лез в карман за паяльником. Иван Михайлович Аминин, толкнув цех, что-то быстро записывал в блокнот. Серые глаза его шуршили в улыбку, а лоб был нахмурен так, что губы в броню сошлись в одну линию.

Аминин залопулил блокнот и попросил слова.

— Размечает ткань плохо!—сказал он.—Обшусты обмеловщик на сантиметр,—глядись, к концу дня сползается коринна остатков. Раз ты считаешь, такое безобразное отношение к материалу! Все зависит от тебя, Седин! Поду-

май еще раз, как лучше выкройки раскладывать. Давайте все вместе посуетовемся, если нужно. Но тебѣ, Седин, и карты в руки...
— Конечно,— кивнул головой Седин.— Постарайся.
Потом выступали настильщики, и все говорили об одном и том же. «Обмеловка», «выкройки», «разметка», «разметка», «выкройки», «Обмеловка», «до чего же все-таки трудно изгалять со-», «думаю я, слушаю их речи...» Вѣдь в комнате их больше ста, и все разное формы! Попробуй решит заданную.

Обмеловщики говорили о выкройках, настильщики— об отрезках, начальники цеха— о дисциплине. Спорили долго. А Иван Михайлович сказал негромко, словно подумав вслух:

— А не проще ли сделать математический подсчет всех настильщиков? Здесь три переменных величины: длина настила, его ширина и количество выкроек. Классический пример для интерполирования...

«Классический пример для интерполирования...» Три переменных величины... Меня подбросило, точно пружиной.

Да, тут надо было считать. Считаю-а? С архиметром! С логарифмической линейкой! Применить метод математической интерполяции, с которым нас знакомили в школе...

Так случилось, что в тот же вечер дома я читала историю моего современника— Короленько. И вдруг в первом часу ночи, когда собралась уже отложить книгу в сторону, натолкнулась на интереснейший эпизод. Короленько вспоминала, как один из профессоров начертательной геометрии Петербургского технологического института на пари сорочку бальное платье своей жене по этрпам из целого куска ткани, без остатка.

Скрил так, что лучшие столпичные портные удивлялись и завидовали... Я закрывала томик, снова открывала его и перечитывала это место в «Истории». Значит, можно все-таки кроить материал без остатков! Значит, прав Иван Михайлович!

Утром в цехе я подошла к столу, которым работал Седин, и сразу же заговорила о том, что никак не «секреты» не помогут при разметке, что нужен математический расчет каждого настила. Слегка кусок мела, я стала писать на столе длинную колонку цифр...
— Математика, говоришь!— В глазах мастера читалась скрытая

насмешка.— Интегралы, радикалы и всякие там кардиналы! Все это-ком болтаешь!

— Почему это «болтаешь»? обиделся я.— Вот Короленько, и тот пишет... Без математики не обойтись.

— Занимался своим делом!— жестко сказал Седин.— Где была твоя математика, когда ты экзамен в техникум сдавал?

У меня похолодели руки. Должно быть, я очень сильно поблблдела, потому что услышала четко и испуганный голос: «Глядите, вы дураки!» Я повернулась и пошла. Мне показалось, что в цехе стало совсем темно, и, наверное, от этого я два раза ступила с кем-то, пока добралась до двери...

Вечером ко мне домой пришли Иван Михайлович, Шура, Тania и Лида. Иван Михайлович утоскивал меня:

— Ты пойми, Люся, он давно здесь работает. И все делают так, как он скажет. Ему и леньно. А ты хочешь все это закрутить. Поставь себя на его место...

Я смотрела на Ивана Михайловича, на своих подруг, с которыми кончала школу и поступала работать на фабрику, и, наверное, от этого становилось теплее.

— Но ведь я хотела как лучше! А вы, Иван Михайлович, здорово придумали насчет математической интерполяции...

— А тут все уже придумано,— пожал плечами Анинки.— Теперь надо просто считать.

— А считать придется ой-ой!— сказала Лида.

— Считать придется действительно много,— согласился Анинки.— Но вы только представьте, что получится! Поступит на фабрику отрез, а его целиком в дело! До кусочка! Сейчас са сорочка метров ткани десять уходит в мусор. Понимаете, какая бедность экономия! До конца года— не меньше два миллиона!

После ухода подруг и Ивана Михайловича я взяла старые школьные конспекты и открыла тетрадь с надписью: «Четверг, 17 ноября. Интерполирование». «Интерасно,— подумала я,— что сказала бы учительница, узнав, сколько мне предстоит считать? Вѣдь нужно было сделать не меньше семь тысяч вычислений, скучных и однообразных...

Так началась работа, потребовавшая терпения, терпения и терпения. Потянулись дни, чем-то похожие на школьные. Я возвращалась с работы и сейчас же начинала считать.

Приходилось искать величину

одного из неизвѣстных, задаваясь значениями двух других. Все вычисления порядительно походили одно на другое. Я постоянно думала о них. Мать говорила, что если у меня не сходит выражение постоянной обозначения. А меня страшило только одно: вдруг расчеты окажутся неверными!

Каждый новый отсчет я подчеркивала красным карандашом. Это знало, что к таблице, состоящей из длинного математического ряда, прибавался новый кирчик. Цифры, цифры, цифры... Они заполняли страницу за страницей. Исписывались тетради за тетрадью. В конце каждой тетради помещалась таблица. А когда было сделано больше трех тысяч вычислений, мы решили проверить правильность расчетов и условно разметить несколько настильщиков.

— И вот я смотрела на длинную цепочку огней, протянувшихся вдоль шоссе, и думала, что все наши усилия были напрасными, что все...

Пора было возвращаться в цех... У стола девушки платным кольцом оружили Иван Михайлович.

— Конечно, все дело в четырех кусках,—негромко говорил Анинки.— И как это я раньше не догадалась! Почему отрез обязательно надо делить на четыре равные части! А если разделить ткань на неравные куски!...

Шура перестала напевать. Я заметила, как заблестели ее глаза. «В самом деле,— подумала я,— почему мы делим отрез на четыре равных куска? Вѣдь в них не всегда укладываются нужные выкройки. А что, если попробовать разметать ткань по-иному?— Как механически делить ткань на равные части, а подбирать такую комбинацию выкроек, чтобы заполнить без остатка «хвосты» отреза, а кусочки ткани между картонными палками использовать под детские выкройки, например».

И снова по логарифмической линейке заскользил стевлянный дождик.

Пришлось считать все сначала... Как просто было рыньше! Любой отрез, не задумываясь, делили на четыре части. Теперь же вместо привычной, не вызывавшей сомнений цифры «4» в моей тетради стояла большая вопросительный знак.

Каждый вечер мы приходили в кабинет технолога и считали, считали, считали... Сначала пытались делить отрез на два куска, потом на три, затем на четыре, на пять... С каждым разом отставок стано-

вилось все меньше и меньше. Наконец, мы остановились на семи неравных кусках...

И вот пришел день, когда мы решили провести первый опытный раскрой новым способом. В цехе собралась все. Анинки стояла у окна, молчаливые и блаженные. Они заглядывая в таблицы, проверяли выкройки и делал десятки ненужных движений.

На полках лежали сотни отрезков, все разные и в то же время как похожие одна на другую. Глядя на них, я чувствовала, как становилось труднее дышать. Какой из отрезков придется нести сейчас мастеру?

— Лионка!— услышала я его голос.— Подой скор второй артику...

Наконец-то! Это был отрез синей шерсти, мой любимый материал, нежный, как пух. Вместе с Шурой мы развинули отрез на столе. В нем оказалось тридцать восемь метров сорок два сантиметра... Я знала, что должен был делать мастер: найти гравю «38, 42». В семь неравных настильщиков умещались следующие размеры костюмов. Для отреза длиной в тридцать восемь метров сорок два сантиметра длина первого настила должна составить двенадцать метров, второго— восемь, третьего—четыре с половиной, четвертого—три двадцать... И так до семи кусков.

Мастер разделил отрез, потом начал раскладывать выкройки. Анинки низко наклонилась над столом.

Выкройки ложились так плотно одна к другой, как никогда еще не ложились. На только «хвосты» отрезков оказались заполненными целиком, но также кусочки ткани между лекалами.

Отрез передали в закройный цех. Стул заступала машина. Мне казалось, что сердце билось неровными, пульсирующими толчками в такт с раскройным агрегатом, и каждый удар сердца заставлял нож машины продвигаться все дальше и дальше.

— Нет остатков!— не совсем уверенно сказал Иван Михайлович и, улыбающийся, посмотрел на меня.

Потом я и Шура несли отрезки, которые попадались под руку, и мастер размечал их по новой расчетной карте. На семь настильщиков отреза сейчас же передавались в закройный цех, и каждый раз оттуда доносился ликующий голос Анинки:

— Нет остатков!

Мы не ушли из цеха ни во вторую смену, ни в третью. Я не чувствовала усталости, все время бегала из подготовительного цеха в раскройный и не могла отвести глаз от раскройной машины. Иван Михайлович вместе с Таней отменяли в расчетной карте обменные настиды.

В пять часов утра, когда из раскройного цеха так и не прислали ни одного лоскутка, Аникин поджился, вытер лицо платком и устал облокотился на стол.

— Ну, вот и все!

Он закрыл расчетную карту и пошел в карман за папиросами. Несколько минут технолог сосредоточенно курил, не говоря ни слова. Не было ни поздравлений, ни ликования. Я глядела на усталые, осунувшиеся лица подруг и не могла связаться с мыслью, что завтра уже не нужно будет открывать тетради и искать ошибку в расчетах...

Потом Иван Михайлович повел нас отдыхать к себе в кабинет. Мы не разговаривали. Нам ужасно хотелось спать. Шура, Лида, Таня и я устроились на диване и стульях. Аникин уснул за столом, уронив голову на руки. Под щекой у него лежала расчетная карта — листок бумаги, на котором уместилось все: цифры, расчеты, поски, надежды. Быть может, потому он и спал так крепко...

Я проснулась раньше всех. За окном поблескивало синеватое утро, грохотали первые машины. Осторожно надела пальто и вышла во двор. Я открывала дверь проходной, и мне хотелось улыбаться всем, кого я видела. Появилось какое-то новое чувство связи с теми, кто попадался навстречу. Мне казалось, что я стала им несравненно нужнее. Это чувство было радостным.

Хотелось сказать каждому — и парню в шинели равесленника и девушке, стоявшей на шоссе, у столба с надписью «109»: «Знаете ли вы, что теперь наша фабрика будет выпускать в год на десять тысяч костюмов больше!». Кто-то громко окликнул меня по имени. Я оглянулась. Из ворот фабрики выходила Таня, Лида, Шура и Иван Михайлович. Они показали мне рукой. Аникин хохотал и шутил толкая Таню к колодезю. Та отбежала в сторону, обмывая Ивана Михайловича водой, и вместе с Шурой быстро пошла мне навстречу.

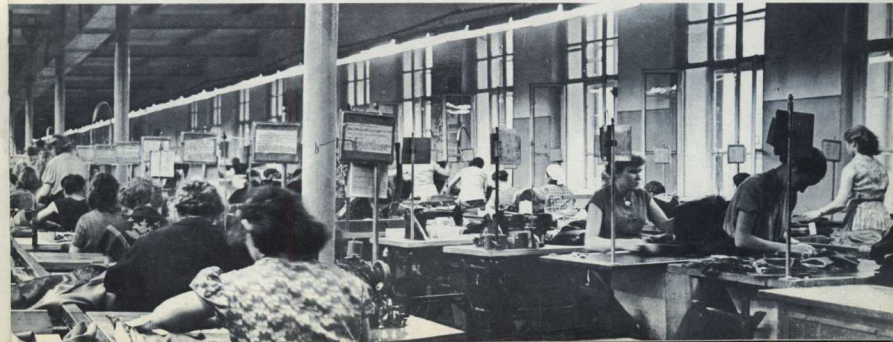
Они шли рядом, тесно прижавшись друг к другу, и улыбались... Вот, пожалуй, и все.

Фото Г. Дубинского.

— Разве похоже, что этот элегантный костюм шьет из пресловутых «рациональных» остатков? — спрашивает Lyosya Lisina.

Десятки тысяч костюмов сверх плана пошьют новаторы могайской фабрики имени 1 Мая за счет экономии материала при раскрое.

В. Федоров. Снежок.

Ф. Коняхин. Георгий Седов.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПОСЕВЫ

Вспомнил, каким бывает лес в конце лета. Ветер теплеет. Ветерозавывает сладковатый аромат созревающих ягод. Среди зарослей кустарников находим наконец то, что искали,—куст малины. Прогрешавшись сюда сквозь чащу солнечный луч зажег пламенем ягоды. Кажется, что это горячие угольки... Но если раздумать, ветку, откуда странная картина: рядом со старыми поднимаются молодые побеги. Для чего им так дружно расти? До змыки они не успеют окрепнуть, даже не зацветут...

Мы часто не замечаем таких загадочных на первый взгляд явлений, не задумываемся над ними. А вот Петр Юрин, молодой агроном подмосковного колхоза «Рассвет», заинтересовался ими.

Началось это так. Обезжизненная поля на озимой двуколке, Юрин встретил знакомого лесника.

— Хотите посмотреть на чудо? — таинственно спросил лесник.

Он показал на колыхавшуюся под ветром стену ржи. Она росла не опухами под крылом леса. Это была обыкновенная рожь...

Юрин слез с двуколки и увидел уютно-теплую почву, усеянную жухлыми стеблями прошлогоднего овса.

«Обычная земля!» — вырвалось у него. — «Непашная земля! Как же был проведен посев?»

— Погоди, еще не так удивись! — пообещал лесник, уловив в глазах агронома искорки любопытства.— Первое то, что озимая рожь сама не осенью, а весной прошлого года. Ну, а второе, брат ты мой, такое, что и вовсе уму непостижимо. Сеял-то я не рожь, а овес!

Но Юрина заинтересовало как раз первое соотношение — на озимой рожь было посеяно не осенью, как обычно, а пятью месяцами раньше — весной, и не отдельно, а одновременно с овсом. Агроном не сомневался, что семена овса содержали не замеченную лесником примесь ржи.

Итак, на опухле лес был смешанный посев. Но разве это в диковинку? Кто не знает о посевах различных кормовых смесей, например, зерновых с бобовыми? Юрин уже проезжал краем поля, на котором еще недавно стояла вышка с осом.

Вика с осом... Что дают такие смешанные посевы? Повышают ли урожай? И относятся ли к таким посевам уютнее лесника?

Смешанные посевы... Раньше Юрин не задумывался над ними. Теперь он решил узнать о них все.

«Для чего их практикуют? — размышлял он.— Чтобы лучше, полнее использовать земельные участки. Это было ясно. Такие посевы выгодны, они прочно вошли в практику. А как ведет себя, скажем, яровая пшеница, оказавшись бок о бок с овсом? В мире ли живут такие необычные соседки?»

«...Одновременно дивилась: в окне агронома до летух горел свет. Юрин прочитавшая все, что мог достать по смешанным посевам.

Оказалось, почти каждая культура бывала в соседстве с другими растениями. Яровую пшеницу сеяли в смеси с овсом, ячменем, рожью, горчицей, горохом, чижиком, чечевичкой, бобами, виной, льном и даже морковью. Автор утверждал, во многих случаях такие посевы повышали общий урожай, облегчали уборку, улучшали структуру почвы.

Выходило, что ничего нового уроде и не было в лесниковой ржи... Но ведь лесник случайно посеял озимую культуру не осенью, как принято, а весной. Значит, она росла не вместе с яровой овсом, как практиковалось в смешанных посевах, а позже овса, как бы под его покровом.

Мысли не давали покоя. В самом деле, задумавшись агроном, о чем бы и смешанный посев у лесной опушки? А может быть, там произошло нечто совсем новое?

Покажу, какое-то отношение к этому имел положение Дарвина и Тимирязева о том, что чем разнообразнее организмы, тем больше количество энергии может развиваться на единице площади.

Разнообразнее... Получалось, что лесника делалась больше соответствовала этому важному, решающему условию, чем обычные смешанные посевы. Там озимая рожь и яровая овес различны по своим потребностям. Они в разное время пользовались пищей, влагой, светом. А растения в смешанных посевах потребляют все это одновременно.

Юрин опять потонул на лесную опушку. Он оспушал рожью ржаные стебли и возвращался мыслями к прошлой неделе. Вот лесник бросил в почву семена овса. Овес, конечно, вззошел раньше. Возможно, он стоял уже густой щеткой, когда рожь только выглянула на белый свет. Потом овес пожелтел, вылезел и начал отмирать. А рожь? Она входила в силу, переживала и вот созрела.

Что же получалось? Хлеб вырос без вспашки? Рожь беспрепятственно использовала питательные вещества в почве! Не надо пахать, жечь, горючее, а главное — ни одного дня не пропадали питательные вещества!

Юрин ехал по узкой дорожке, разделяющей поля, а перед глазами все стояла эта необыкновенная рожь. Дурнопа стояла у мостушной плантации. Рассвет высадил здесь в июне. В мае же земля пустовала. А вот зеленые плети огуцуд. На них свискоа гдадели росшие по соседству стройные кусты томатов. Тут земля не использовалась в мае и ничем не была удобрена. А в сентябре А. Юрин высадил капусту и ранний картофель! Они тоже всегда растут два месяца — август и сентябрь.

Юрин вспомнил: именно под эти культуры весной вносили много органических удобрений. А что толку? Ведь они будут доступны растениям главным образом при августовских и сентябрьских дождях — тогда, когда ранние культуры уже уберут.

Правда, в последнее время начали практиковать повторные посевы: озимую рожь — после уборки раннего картофеля, томата — после редиса. Но и это не решало проблемы беспрепятственного использования питательных веществ. Во-первых, требуется время для обработки почвы под посев. Во-вторых, в отдаленный период (в начале роста, после цветения) растения очень слабо используют природные условия. Ведь среди них нет того разнообразия организмов, которое оказалось на участке лесника.

Юри все ехал по полям и думал: будь на земле растения, создающие неодновременно, различные по своим потребностям,—не пустовали бы тогда поля, не пропадали зря удобрения.

Он отравился в соседний колхоз к пожилому агроному Юрину.

— Разнообразнее! — переспросил агроном.— А смешанные посевы!

Опять смешанные посевы! Юрин решил сам проверить их. Он занял ими опытные деланки. Результаты были больше, чем удивляли молодых агрономов. Он убедился, что в ряде случаев смешанные посевы снижали урожай одной или обеих культур. Озимая рожь уножала яровую пшеницу, овес — озимую пшеницу, озимая пшеница — овес, чумиза — кукурузу, просо и суданку, суданка — чумизу, рапсас — люцерну. И было ясно, почему. Растения одновременно пользовались пищей, влагой, затеняли друг друга.

Но ведь, согласно учению Дарвина, органы

растений одного вида образуются на пользу всему виду. Значит, если вместе посеять растения одного вида...

Юрин снова поехал к соседнему агроному. Тот достал с полки книжку в пожелтевшей обложке.

В книжке сообщалось о совместных посевах различных сортов одного вида. В прошлом веке в России применялись смеси сортов пшеницы, которые отличались повышенной устойчивостью к ржавчине. Подобные посевы практиковались во Франции, в США. Работы академиков Н. Д. Прянишникова, И. В. Якушкина и других советских ученых подтверждали: умелым применением смеси сортов зерновых культур можно добиться более высоких урожаев.

Но в подобном способе все оставалось существующим — я — в нем тоже не было того разнообразия организмов, которое позволило бы беспрепятственно использовать условия жизни растений. Различные сорта зерновых создавали почти однородное.

Юрин обратился к знакомым, явился в библиотеку, запрашивал опытные станции и нигде не находил материалов о совместных посевах растений, относящихся к одному виду, но различных по своим потребностям.

«Как-то раз Юрин стоял на дороге и задумчиво глядел себе под ноги. Взгляд его задержался на подорожнике. Покрытый серой пылью, он отцветал. А рядом на смену старым поднимались новые побеги...»

«Не то ли само произошло с рожью лесника? Мысль обогнала своей неожиданностью: а что, если именно растения одного вида, но в различных стадиях развития могут так хорошо развиваться при совместных посевах? Слово распахнулось широко ворота, которые кто-то долгие годы держал закрытыми...»

Весной Юрин начал проводить в колхозе несвойственный опыт: засеял одновременно яровую и озимую пшеницу. Для лучшего наблюдения над необыкновенными посевами он создал в колхозе маленькую лабораторию.

Наступило лето. На опытном участке поднялась яровая пшеница. Колхозники смотрели на нее и качали головами: след за яровой тинулась зеленая озимь!

Яровую смесь вместе с сочными стеблями озимой, которая достигла полуметровой высоты. Животноводы перебрали в руках необычную мешанку — получили отличный корм для скота! Может быть, ради этого, думали они, и засеял агроном новый посев?

Для Юрина настали трудные дни. Переизумит ли озимая пшеница, посеянная как раньше? В заморозки он распахивал землю и убеждался: корни живут!

Летом пшеница, словно торопясь рассеять сомнения агронома, буйно пошла в рост и обогнала соседки, посеянных, как обычно, с осени. Теперь каждый видел: пшеничка на опытной деланке кустистее, колосу у нее больше, зерно крупнее.

Победу в этом своеобразном соревновании опытные агрономы определили цифрами. С гектара яровой и озимой пшеницы обычного посева сняли 32 центнера зерна. Но пшеница двойного посева дала 53 центнера!

Итак, вышло 130 пудов прибавки на гектаре! Если к тому же учесть, что для озимой не потребовалось избыточной августовской пахоты, если добавит дополнительный урожай зеленой массы, то экономическая выгода нового способа еще возрастала еще больше.

Тогда Юрин не знал, что этот первый пробный посев явится началом его работы над диссертацией. Имее среднее агрономическое образование, он поступил на биологический факультет Московского государственного университета и за два с половиной года окончил

«Вот такие урожане уроман початков и зеленой массы», — говорит Петр Васильевич Юрин, — дают совместные посевы ранних и поздних сортов кукурузы».

Фото В. Сакка.

пятилетний курс. Учеба, затем аспирантура и работа над диссертацией помогли глубже разобраться в сложных взаимоотношениях между яровой и озимой пшеницей.

У разных растений свои требования к почве и другим условиям жизни на протяжении вегетационного периода. Сегодня, например, одним требуется больше фосфора, другим — азота. На этом и основано известное положение науки о том, что чем разнообразнее организмы, тем больше количество жизни может развиваться на единице площади и что все органы и свойства растений образуются на пользу им самим, а не другим видам. Иными словами, питательные вещества, влага, свет используются рациональнее, если совместно произрастают растения, различные по возрасту, развитию, росту и другим биологическим свойствам, но относящиеся к одному виду.

Юрину стало ясно, почему рядом со старыми поднимаются новые побegi растений. Сокращение ветви уже не употребляют прежнего количества пищи и влаги. Этим и пользуется молодая поросль. Она растет, закрепляя за собой место, преграждая сюда доступ другим растениям... Иное происходит на поле, где посеян один выравненный сорт, скажем, яровой пшеницы. Созревая одновременно, растения на различных стадиях потребляют одни и те же элементы пищи. Когда снижается потребление питательных веществ, рядом бурно начинают расти сорняки; они тянут культурные растения, а порой и заглушают их. Вполне естественно поэтому, что при двойных посевах меньше сорняков. Вода яровой и озимая пшеница отличаются по возрасту, развитию, используют условия жизни не одновременно, а в разные сроки. На долю сорняков остается мало пищи и влаги, им приходится отступать.

Опыты следовали один за другим. После десяти лет проб Юрин нашел лучший вариант. Сначала он севл озимые семена на глубину восемь сантиметров, расходя на гектар на 200—220 килограммов зерна, как обычно, а только 120—140. После этого впередстр высеивал яровизированные яровые семена на глубину четыре-пять сантиметров.

Яровые раньше всходили и быстрее росли. Озимые развивались под их покровом, а потом, после уборки яровых, использовались к тому же продукты разложения их корней.

Коллекционеры недоумевали: чем объяснить высокие урожаи озимых, если расходуется лишь половина нормы семян? А дело было в том, что благоприятные условия совместных по-

севов способствовали необычайной кустистости пшеницы. Отмечались случаи, когда из одного зерна развивалось 40, 50 и даже 70 продуктивных стеблей.

Тут уже речь идет не о том, чтобы вырастить два колоса там, где рос один. Юрин мечтал о тысячекратных урожаях зерновых, которые, возможно, будут реальными.

Коллекционеры артели «Рассвет» первыми применили новый способ посева, причем не только на зерновых. Двойные посевы оказались не менее эффективны на картофельных и овощных полях. Бригады Клавдия Сафионовой, Анны Дмитриевой, Валентины и Зои Андреевых сажали ранний проросший картофель и тут же, через борозду, неуровнированный поздний. Высевают в один день яровизированные и неуровнированные семена моркови. Высеивают рядом рассевы ранней и поздней капусты. И опыты убеждают: урожай с участков совместных посевов при соблюдении необходимых условий почти вдвое превышает обычный.

Открытие Юрина проверено и в ряде других колхозов Подмосковья. В артели имени 1 Мая, Балвешинского района, совместная посадка яровизированного сорта «Япон» и неуровнированного сорта «Лорх» дала на гектаре 80 центнеров прибавки картофеля. Такой же результат получен в колхозе «Усть Сталинск», Химкинского района, и в других хозяйствах. И повсюду люди, убедившись в больших преимуществах нового метода, решают расширить площади под совместные посевы.

Пожалуй, нет такой области в нашей стране, откуда бы не приходили Юрину письма. Ему пишут также из Румынии и Канады, из Англии и Германии. И в каждом письме — живой интерес к новому способу сева.

Пожалуй, нет такой области в нашей стране, откуда бы не приходили Юрину письма. Ему пишут также из Румынии и Канады, из Англии и Германии. И в каждом письме — живой интерес к новому способу сева.

Пожалуй, нет такой области в нашей стране, откуда бы не приходили Юрину письма. Ему пишут также из Румынии и Канады, из Англии и Германии. И в каждом письме — живой интерес к новому способу сева.

Сем. НОВИКОВ

Минова привратников, мы шли по асфальтовой дорожке к большому многоэтажному зданию, стоящему на берегу Женевского озера. Я невольно залюбовался красивым строением. Вот он каков, знаменитый женевский Дворец наций!

— Кладбище. — внезапно буркнул мой мрачноватый спутник, швейцарский журналист.

Кладбище? Это слово никак не вязалось со светлым зданием, окруженным цветниками и газонами и похожим скорее на санаторий.

— Кладбище похороненных надежд, — послышалась моя мысль швейцарцу. — Сколько преданий о мире, о разружении похоронили в этом здании в довоенные годы, когда здесь находилась резиденция Лиги Наций!

Мой спутник был по-своему прав. В двадцатые и тридцатые годы сюда же заходили дипломаты в Лиге Наций неоднократно отвергали советские предложения, направленные на разружение, на предотвращение войны. Надежды народов на мир оставались неуспевающими. И все же эти надежды жили и в годы деятельности печальной памяти Лиги Наций, и раньше, и позже.

Мир без оружия всегда был мечтой мечтой человечества. Об искоренении войн говорил еще древнегреческий философ Платон. Римляне, погрянув в жестоких войнах, оставили после себя афоризм: «В оружии мало разума». Лучшие умы человечества не могли примириться с кровопролитием. «О война! Ты исчадие ада!» — горечью восклицал Шекспир.

На протяжении тысячелетий великие дипломаты в Лиге Наций неоднократно отвергали советские предложения, направленные на разружение, на предотвращение войны. Надежды народов на мир оставались неуспевающими. И все же эти надежды жили и в годы деятельности печальной памяти Лиги Наций, и раньше, и позже.

Орудийные залы «Авроры» возвестили наступление новой эры в жизни человечества. Возникло новое, социалистическое государство, которое вступило в борьбу с фашизмом, вынудило войну войну. На первой же международной конференции, в которой приняла участие молодая Республика Советов — это было в Генеу в 1922 году, — наши дипломаты привизвали к полному разружению всех государств.

С каждым зарпактом буржуазные дипломаты встречали тогда, в двадцатые и тридцатые годы, советские предложения! Противники разружения утверждали, будто эти предложения — продукты «слабости» Советской страны, что, мол, нечего терять при всеобщем разружении.

Но шли годы. Мощь нашего государства умножалась с невиданной быстротой; в кратчайшие исторические сроки Советский Союз превратился в могущественную державу мира. Каждый новый год был ознаменован блестящими победами советского народа на всех фронтах мирного строительства. И каждый новый год приносил убедительные свидетельства искреннего стремления СССР к прочному миру, к разружению. В послесловии к истории дипломатии записаны многочисленные предложения СССР по разружению о полном запрещении атомно-водородного оружия, о сокращении вооружений и вооруженных сил, о ликвидации иностранных военных баз на территории чужих стран и т. п. Слово Советского Союза, как всегда, подкреплялось конкретными делами. За последние годы вооруженные силы СССР сокращены в одностороннем порядке более чем на два миллиона человек. Ликвидированы советские военные базы за рубежом. Сокращена численность советских войск в Германской Демократической Республике. Наши войска целиком выведены с территории Румынии. Правительство СССР приняло решение не возобновлять испытание ядерного ору-

МИР БЕЗ ОРУЖИЯ!

жия, если западные державы также не будут производить ядерных зарядов. И тогда в год СССР сокращает расходы на оборону.

Последовшие годы вооружения показали всему миру, что СССР словом и делом борется за разоружение. Однако последовательные миролюбивые усилия Страны Советов неизменно встречали упорное сопротивление западных держав. Четырнадцать лет в Организации Объединенных Наций длились переговоры по разоружению; из стенографических отчетов об этих заседаниях можно, пожалуй, сложить целую гору. Но гора рождала и мшью... Прибрав тактику затяжек и проволочек, западные дипломаты завели дело разоружения в тупик.

Пока тянулись эти бесплодные дебаты, гонка вооружений не прекращалась ни на минуту. Было создано оружие невиданной доселе разрушительной силы. Черная туча катастрофической ядерной войны нависла над миром. За годы «холодной войны» накопилось столько горючего материала, что достаточно одной искры, чтобы вспыхнула пламя военного пожара.

Искра вооружений означает также, что колоссальные средства тратятся непроизводительно, фактически выбрасываются на ветер. Вот один яркий пример. За десять лет существования агрессивного Североатлантического союза в странах НАТО израсходовано военных средств свыше 500 миллиардов долларов. Эта сумма втрое больше годового национального дохода всех «атлантических» государств, азиатских вместе. Значит, на протяжении минувшего десятилетия население стран НАТО целых три года, по сути дела, работало впустую — не положило ни одного кирпича на гражданском строительстве! Военные расходы непосильным бременем лежат на плечах народов. Лишения и бедствия сегодня, смерть завтра — вот что несет миллионы людей гонка вооружений.

В этот ответственный момент истории Советский Союз выступил с новой миролюбивой инициативой. 18 сентября, выступая с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев внес на имя Советского правительства предложение о всеобщем и полном разоружении.

— Суть наших предложений, — сказал товарищ Хрущев, — состоит в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществили бы полное разоружение и не имели больше средств ведения войны.

Логика советских предложений предельно проста и ясна. Без оружия никто не сможет воевать. Лучший способ предотвратить войну, ликвидировать ее в самом зародке — это уничтожить средства ведения войны. Только в этом случае будет гарантирован действительно прочный мир между народами.

Советская программа указывает выход из тупика, в который зашло дело разоружения. Во время многолетних переговоров по этому вопросу одним из главных препятствий, мешавших соглашению, была проблема контроля над разоружением. Предложения СССР позволяют поставить эту проблему на новую основу. Именно всеобщее и полное разоружение расчищает путь к установлению всеобъемлющего контроля, без которого западные державы упорно не соглашались идти ни на какие, даже частичные меры по разоружению. Требования о всеобъемлющем контроле при частичном разоружении неприемлемы, ибо они были бы открыты только охотникам за военными секретами. Но при всеобщем разоружении, когда не будет военных тайн, контролеры могут проявлять все усердие в пользу мира... Правительство СССР предложило учредить международный контрольный орган с участием всех государств.

В советском плане разоружения утратены все прежние интересы все государств и народов. Ни одна страна не получит односторонних вы-

год от всеобщего разоружения. Мир без оружия, мир без войны в интересах народов всего земного шара.

Вот почему провозглашающий главой Советского правительства лозунг «Давайте полностью разоружимся!» так горячо подхвачен миллионами людей доброй воли. Искренними, чистыми от всей лжи словами простые люди разных стран приветствуют замечательную инициативу СССР. На имя товарища Н. С. Хрущева поступили тысячи писем от рядовых американцев; в этих письмах одобряются советские предложения о всеобщем и полном разоружении. Американский школьник Д. Клемент из штата Коннектикут пишет:

«Я очень поздравляю Вас с исключительно прекрасной речью, которую Вы произнесли на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 18 сентября. И учусь в десятом классе. Ваши идеи о всеобщем разоружении — это как раз то, во что верю я и мои друзья. Искренне верю, что страны всего мира согласятся с Вашим планом».

«Г-н Премьер, — обращается к Н. С. Хрущеву Лаура Л. Родари из города Лос-Анжелеса, — я благодарна и признательна Вам за Ваши усилия по обеспечению мира на земле для всех народов... Все, чего мы хотим, — это мира; мы желаем, чтобы денети трагедии на что-нибудь лучше, нежели вооружения».

«Спасибо, большое спасибо!» — говорят все миролюбивые люди земли.

Премьер-министр Индии Неру, президент Индонезии Сукарно и многие другие государственные деятели дали положительную оценку советской программе разоружения и высказались за ее серьезное изучение и обсуждение. Огромное значение имеет то, что главы правительств СССР и США в совместном советско-американском коммюнике определили вопрос о всеобщем разоружении как самый важный вопрос, который стоит перед миром в настоящее время, и выразили готовность приложить все усилия к достижению конструктивного решения этой проблемы. Здравомыслящие люди предлагают принять советские предложения за основу для соглашения.

Сейчас во всем мире идет большой разговор о советской программе разоружения. Сколько пологого и доброго могли бы сделать свыше 100 миллионов людей, волею которых ныне в гонку вооружений и военные мероприятия, если бы они вернулись к мирному созиданию!

Земля! — Это мы забросим на Луну, а это высоробим за ненадобностью!

Рис. Вл. Добровольца.

му труду! Какой сильный толчок получило бы развитие правящих классов от такой экономики, если бы на это дело были истратены 100 миллиардов долларов, ежегодно идущих в настоящее время на военные цели! Мировая общественность конкретно, по-деловому обсуждает эти животрепещущие вопросы.

Предложения СССР сразу же встали на первое место в повестке дня нынешней сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Поддержавшие большинство делегатов поддержало идею всеобщего разоружения. Генеральная Ассамблея единодушно одобрила совместный советско-американский проект резолюции по этому вопросу. Успешное обсуждение предложения СССР в ООН показывает, что для осуществления всеобщего и полного разоружения есть все необходимые условия. Мировая общественность надеется, что эти предложения будут положены в основу деятельности комитета десяти государств, который скоро должен приступить к разработке соглашения по разоружению.

Открытый интерес к миролюбивой инициативе СССР служит свидетельством того, что разум начинает брать верх в международных отношениях. Но друзья мира не аргументуют свою бдительность.

Противники разоружения в Западе впоследствии заметно активизировались. Фабриканты оружия боятся потерять прибыли от военных заказов. В союзе с милитаристами они развернули кампанию, направленную на то, чтобы опорочить предложения СССР. Журнал «Мэгуин» из Уолл-стрит, тесно связанный с военно-промышленными корпорациями США, пытался задать тон американской печати, обрушившись с яростными нападениями на советский план. Однако о слабости позиций противников разоружения говорит то, что лишь немецкие реакционеры и английские левые США решились последовать за журналом «Мэгуин» из Уолл-стрит и выступить с открытым забралом против идеи всеобщего разоружения. «От русского вызова всеобщего разоружения», — пишут в Нью-Йорк теле. Сторонники гонки вооружений предпочитают на основном действующем исподтишка. Американское агентство Юнайтед Пресс Интернешнл довольно верно передает их линию поведения. По словам агентства, они говорят: «Это прекрасная идея, но...». Причем упор делается на «но» добавляет Юнайтед Пресс Интернешнл. В западной печати предприняты попытки посеять сомнения в осуществимости идеи всеобщего разоружения, объявить эту идею сумасшедшей.

Но трезво мыслящие люди понимают: сегодня всеобщее и полное разоружение уже не утопия. Предложение о мире без оружия выдвинула могущественная держава. В наши дни на мировой арене есть реальная опора для искоренения античной легенды о «золотом веке», где нет таких классов или групп, которые ждали бы войны и гонки вооружения. Нечисленна и непреодолима рать сторонников мира на всех континентах. Поэтому советская программа разоружения является реальной, осуществимой задачей. Друзья мира сделают все, чтобы война была полностью исключена из жизни рода человеческого.

Когда-то замечательный американский поэт Лонгфелло призывал в «Песне о Гайавате»:

Смывайте краски боевые,
Смывайте с пальцев гитты кровю;
Закоруйте уши, закоруйте глаза,
Закоруйте Трубку Мира
И ищите вперед, нам братья!

Каким глубоким, новым смыслом наполнило наше время эти строки! Сегодня сотни миллионов людей сплочены желанием навсегда зарыть в землю томагавк войны и закурить Трубку Мира.

Искателям сокровищ

Фото М. Муразова.

Самолет и оленьи упряжки — самый распространенный транспорт в таземных местах.

Геологи Алексей Зюта, Борис Шлунт и Аня Яснева изучают схему маршрута.

Хорошая машина — вертоход!

Для детей в поселке построена новая школа.

Старший буровой мастер Колонтарин Ноговицын.

Восторженно встречают юные нителы поселка приземлившийся вертолет.

Приходится прибегать и к таному анду «транспорта»...

Владимир Щунин всегда находится в пути. Он неутомимо ищет новые сорвищища...

Ненсчислимы природные богатства Якутии. Не только золотом славится ныне республика, не только танины полезными ископаемыми, как слюда, медь, олово, уголь, горючие сланцы, горный хрусталь, волфрам. С недавнего времени Якутию стали называть еще «алмазным краем».

Алмазы! Венами недр якутской земли срывали от людей этот драгоценнейший минерал. И только сравнительно недавно здесь были обнаружены алмазные россыпи, о которых теперь знает весь мир.

Большую часть своей жизни геологи проводят в пути, в неустанных поисках подземных «кладов». Их не останавливают ни лютые морозы, ни глухая тайга, ни бурные реки. Силою сил и энергии пришлось потратить воспитаннику комсомола Владимиру Щунину, прежде чем ему и его товарищам, изыскателям Аманинской экспедиции, удалось открыть промышленные месторождения алмазов, знаменитые имбиритовые трубки «Удачная» и «Сытинская»! За это молодой геолог удостоен Ленинской премии и награжден орденом Трудового Красного Знамени. А ведь намечется, только вчера Владимир Щунин окончил Уральский университет!.. Романтика трудных, неизведанных дорог привела в эти суровые края и геологов Алексея Зюта, Аноу Яснееву, Бориса Шлунта и многих других юношей и девушек. Старший буровой мастер Колотарев! Его-внучи родился и вырос недалеко от того района, где сейчас ведутся изыскательские работы. С увлечением рассказывает он о том, как преобразились его родные места.

— Посмотрите! — восклицает он. — На том месте, где всего лишь четыре года назад стояла непроходимая тайга, теперь раскинулся наш поселок Новый. Пройдет немного времени, и здесь вырастет целый город!..

Словно алмазные россыпи, сверкают по вечерам в поселке элентрические огни. И с каждым годом их будет все больше. Это огни семилетия. Их загнил своим благородным трудом неутомимый разведчик недр — волею обстоятельств коммуниста.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

В КРАСНОГОРСКИЕ ПЛОХО ЗАБОТЯТСЯ О БЫТЕ МОЛОДЕНИ

ИСПОРЧЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ

...Комната № 102. Здесь живут молодые работницы Мария Блюнова, Анастасия Гадькова и Зинаида Канева. Накануне к ним зашли ребята с верхнего этажа.

— Девушки! Завтра в клубе новая комедия. Погидем!
— Пойдем! А как же билеты?
— Мы уже взяли...
— Погидете чуть-чуть! Мы скоро!

И вот ребята зашли снова, но... Узорчатая мыльная пена стекала с тазов на пол. Рядом возмущалась груда белья. Нагнувшись над тазами, девушки стреляли.

— Да вы что? — ужаснулись ребята. — Ведь мы опоздавали!

Но, взглянув на озабоченные лица подруг, махнули рукой и вышли из комнаты. В этот вечер в кинозале было немало свободных мест.

И девушки из сот второй комнаты и еще двести других обитателей молодежного общежития по субботам, расправившись с нестерпимым бельем, потому что в городе Красногорске нет ни одной прачечной. Да, да! Не удивляйтесь! Ни одной прачечной на сорок тысяч жителей. Хотите ходить в чистом белье — езжайте в московскую прачечную за двадцать пять километров.

РАСПИВНОЕ И НА ВЫНОСИ

...Комната № 136. Здесь мы познакомимся с молодым инженером Александром Прокошиным. Он ждал гостей и был озабочен тем, как бы приготовить обед покуснее. Хозяйку некогда стряпать сложные блюда, и Александр радовался тому, что рядом с общежитием открылся новый магазин «Кулинария и полуфабрикаты». Скорее туда!

У черного хода с выразительной надписью «Будете продавать Макарова бойко торговала пивом и прочими «водками». Человек тридцать окружили ее плотным кольцом. Остальные распивали пиво и ели блины футбольного поля. Наподлеку уже валялся пыльный. Александр смущенно попросил:

— Мне бы котлет московских!
— Что ты, малый! — рассмеялись окружающие. — Здесь только московская.

Пришлось Александру Прокошину срочно бежать в магазин на другом конце города, потому что кулинарный павильон в Красногорске превратился в пивную. А ведь

За полчаса автобус доставит вас из Москвы в Красногорск — молодая и уже знаменитый по всей Москве город. Чем? Золотыми медалью, полученными на Всемирной выставке в Брюсселе за великолепные фотообъективы, изготовленные местным механическим заводом.

Отлично трудятся молодые красногорцы! И если бы они свой отряд сумели организовать так же хорошо, как рабочая молодёжь заводов имени Лихачева, «Серп и молот», «Азовсталь», Ивановского металлургического комбината и многих других предприятий нашей страны, жить им стало бы еще веселее и интереснее.

Начать заглянем в одно из общежитий Красногорского механического завода вместе с фотообъективом, сделанным руками заводской молодежи...

С нетерпением идут субботы в молодежном общежитии на улице Пионерской. В этот момент пятиэтажном доме проживает семья молодых рабочих и работниц Красногорского завода. И семья юной и девушек обсуждают еще накануне, как лучше провести свободный вечер. Можно пойти в клуб или театр. Можно совершить лыжную прогулку в лесу, покататься на коньках, почитать в библиотеке. Да разве мало в городе мест, где можно интересно провести время!

Но наместо праздничное настроение портят досадные «мелочи»...

полуфабрикаты крайне необходимы обитателям общежития! Дело в том, что строители, соорудив новое здание, «забыли» его газифицировать. Поэтому воспользоваться кухней, чтобы приготовить обед, очень сложно.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУЗКАМ

...Вале Поповой из 89-й комнаты всемирно известна! Дело в том, что строители, соорудив новое здание, «забыли» его газифицировать. Поэтому воспользоваться кухней, чтобы приготовить обед, очень сложно.

В субботу в четыре часа дня она уже стояла у дверей прачечной пункта. Но увы! Выбирать было нечего.

— А нет у вас стиральной машины — печальным спросила Валя.

— Еще не прислали! Возьмите лучше гитару, — посоветовал продавец.

— Нет, спасибо! А где же у вас фотоаппарат, магнитофон, детские коляски!

— Чего захотели! Это будет не раньше нового года.

Девушка захлопнула дверь. Вале всемирно известна! Дело в том, что строители, соорудив новое здание, «забыли» его газифицировать. Поэтому воспользоваться кухней, чтобы приготовить обед, очень сложно.

де сделать в парикмахерской — продавец прически.

— Будете пятнадцатой! — предупредили ее при входе в парикмахерскую № 13 на Октябрьской улице. — И скажите другим, чтобы за вами не становились. Все равно не успеют еще обслужить...

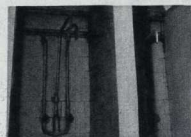
Сидя в зале ожидания, Валя слышала возмущенные разговоры о том, что на всю парикмахерскую три дамских мастера, и пре-

дусмотрительные люди занимают к ним очередь с семи утра.

...Когда, причесанная, наряженная, Валя вышла на улицу, над ее головой сияли звезды. Идти в клуб было поздно. Субботний вечер пропал.

«БАНЯ»

Инженер Владимир Белоус из 119-й комнаты придерживается традиций. А уж клуб издается на Руск повелось, что суббота — баня.

Этот душ бездействует из-за отсутствия горячей воды.

ный день, то Белоус и отправился в баню, расположенную на Октябрьской улице.

Наученный горьким опытом, Владимир взял с собой толстый «Трех мушкетеров». Простояв в очереди шесте часов, вернулся ночью и, вздохнув, сказал: «Летом еще ничего — тепло. Хотя почитать можно. А вот зимой приходится стоять на морозе».

Кое-кто удивится: зачем ходить в баню, если в общежитии имеется превосходный душ! Действительно, есть. Но строительная организация завода не позаботилась провести в душевые комнаты трубы тепловой сети. Поэтому сюда ходят только спортсмены: не всякому нравится купаться в ледяной воде. Прошло около года, как построено общежитие, а горячей воды в нем по-прежнему нет.

Можно было бы еще рассказать о том, как молодой конструктор Александр Ардонцев из 32-й комнаты вает субботний вечер провёл за ремонтом одежды, потому что в Красногорске нет пошивочной мастерской, а токарь Николай Филимонов из 155-й ком-

наты так и не вытерся в театре, оттого что в мастерской по ремонту обуви ему отказались пошить ботинки в его присутствии.

Однако не хватит ли! Не пора ли думать —

НЕМНОГО ОБЩЕИЯ

В молодежном общежитии на Пионерской улице мы провели маленькую анкету: «были ли вы

свободны в этот субботний вечер?» Из семидесяти пяти человек шестьдесят семь ответили отрицательно. Выяснилось, что слишком много свободного времени уходит на стирку белья, стиранию и другие мелкие, но утомительные хлопоты по хозяйству. В этот вечер после напряженного трудового дня сорок девушек и юношей «ледели» мыльные кружева, двенадцать — потеряли несколько часов, ожидая очереди в баню, семь — в парикмахерской, девять — за починкой одежды и обуви...

В чем же дело? Ведь средства на благоустройство общежития для молодежи отпускаются немалые. Знает ли об этом начальник ЖКО товарищ Малешкин! Безусловно! Но дело не только в средствах, отпущенных на благоустройство общежития. Дело в инициативе! Если на первых порах трудно построить прачечную, то не так уж сложно открыть пункт по приему белья от населения. Белье можно отправлять на фабрично-прачечные в Москву.

А во-вторых, надо использовать инициативу молодежи и помочь ей проложить трубопровод тепловой сети к душевым комнатам общежития. Пора серьезно подумать и о газификации общежития, которая позволит затопить Стрелитинская организация завода в силах решить и эту проблему. И совсем уж несложно установить в заводской фабрично-кухонь холодильники, чтобы обеспечить молодежь общежития полуфабрикатами, а заводно навести порядок в павильоне на центральной площади города.

Почему бы не организовать в общежитии и специальную «закулолку», где всегда можно пошить одежду, пришить пуговицу или поставить новые набойки на туфли...

Вот что требуется сделать, не откладывая на будущее.

С. МАРЬЯНИН

г. Красногорск.

Из неопубликованных писем

А. А. ФАДЕЕВА

1948—1953 гг.

А. А. Fadeeva с матерью Антониной Владимировной.

С сыном Мишей.

Читая письма А. А. Fadeeva к матери, я словно вновь услышал полный смысловой любви голос Александра Александровича. Мне вспоминались наши первые встречи в начале двадцатых годов, когда он рассказывал о своей юности, о семье. С какой гордостью и любовью говорил тогда Александр Александрович о матери! И так было всегда.

Антонина Владимировна Fadeeva действительно достойна была любви и почтительной заботы. Советская фельдшерица, она принадлежала к той части трудовой интеллигенции, которая не отделила себя от народа и жила одной с ним жизнью. Сама революционерка, она заложница коммунистической основы души будущего писателя.

Прочитав публикуемые ниже письма, кто из читателей «Смены» не испокон всемирно известные, исполненные законченной любви слова, обращения к матери, слова в романе «Молодая гвардия»: «Мама, мама...» — когда бы я ни открыл глаза, ты была волею меня и кончик горки в комнате, и ты глядела на меня своими заплаканными глазами, будто из тьмы, сама все тихая и светлая, будто в ризах. И плечу чистые, святые руны твои!»

Эти письма еще раз заставляют задуматься нашу молодежь над тем, о чем так настойчиво говорит писатель в своем романе.

«Отдались же и ты, влюбилась, друг мой, оглянешь, как я, и скажи, кого ты обинала в жизни больше, чем мать, — не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ни неудач, ошибок и не от нашего ли горя светит наша матеря?»

Письма А. А. Fadeeva к матери — красноречивые свидетели того, что Александр Александрович до конца дней Антонины Владимировны оставался верным и заботливым сыном.

Письма и смысловым отразили главное свойство замечательной натуры А. А. Fadeeva: и в творческой своей работе, и в государственной и партийной деятельности, и в семейных отношениях А. А. Fadeeva всегда придерживалась единого, цельного и последовательного взгляда на мир, взгляда большевика-инженера.

С двадцатилетним Мишей отец говорит одним языком и совсем по-доброму — с интеллигентным Шуриком. С ними разговор идет «вприкрытую», как и полагается говорить с юным гражданином социалистического государства. Это письмо с пользой для себя прочтет не только молодежь. В нем поставлены такие вопросы, которые заставляют задуматься многих родителей и воспитателей.

Два письма интересуют читателей нашей писатели, публикуемые письма открывают основную особенность, обуславлившую широкую популярность творчества А. А. Fadeeva. Читая эти письма, убеждаешься, что с самого раннего детства Александр Александрович был крепко связан с народом, видящий, как вырабатывались у него трудовые навыки, воспитывались благородные увлечения и навыки.

Требования, которые предъявляет А. А. Fadeev и своим сыновьям, мы вправе предъявлять ко всему подрастающему поколению, ко всем молодым строителям коммунизма!

Юрий ЛИБЕДИНСКИЙ*

К матери

22/XI—48 г.

Родная моя мамочка!

Не смогу к тебе захватить завтра, — зайду к тебе представителем нашего разномыслиющего молодого поколения. У меня в 5 ч. районная партийная конференция Красной Пресни (ее открытие перенесли на 23 число), а в 7 час. вечеря гостями Адама Мишенича в Колонном зале Дома Союзов, и я делаю там вступительное слово.

Увидимся в воскресенье. Не скажи, мой милый старинный друг, жок, — поправилась. Крепко, крепко тебя целую.

Саша.

1/II—49 г.

Милая моя мамочка!

Сегодня, поздно вечером, выяснилось, что я должен вылететь завтра самолетом в Париж на заседание Комитета связи деятелей культуры в борьбе за мир.— Комитет, который был образован на Вроцлавском конгрессе. Заседание это продлится около недели. С дорогой туда и сюда, учи-

тывая всякие случайности и задержки, может выйти дней 10—12.

Поздно было уже ехать или звонить тебе, т. к. ты могла бы после этого взволноваться, не спать ночь, и я решил тебе написать. Завтра, я выеду из дому в 5 1/2 утра и тоже не смогу к тебе захватить. Но ты не смей грустить, как поет Мишенька, потому что дин эти пролетят незаметно, скоренько, незаметно. Еду (или, вернее, лечу) вместе с т. Федосеевым,¹ с которым были во Вроцлаве и вместе были избраны в Комитет.

Крепко, крепко тебя целую, моя любимая мамочка, прошу не волноваться, не скучать,— скоро увидимся.

Саша.

27/XI—52 г.

Дорогая мамочка!

Спасибо тебе за ласковое, мужественное письмо ко мне, полное любви и заботы. Хотя Тима² и говорит с твоих слов, что письмо это ты быстро написала, а думаю, что оно стоило тебе многих дам

и что тебе не так уж легко его было писать в смысле душевного напряжения и просто физически. Но мне оно доставило истинную радость, и я испытываю прилив чувств любви и благодарности к тебе.

14/XII—52 г.

Дорогой Шура!

Вот тебе и 16 лет. Поздравляю тебя. Теперь ты уже парень взрослый и, можно сказать, вся дальнейшая твоя жизнь в большей степени зависит от тебя самого, чем от воздействия других.

Мне немного тебе подарить. Мама, как всегда, после очередного посещения привезет тебе и Мише фруктов...

В отношении учебы советую тебе ежедневно ставить перед собой задания, пусть небольшие, — и выполнять их точно и неукоснительно. Но в общем эти наставления не ко дню рождения. До свидания,—кажется, не так долго уж близкого, и со свиданием. Крепко целую тебя. Желаю тебе быть сильным, умным, правдивым, смелым, добрым, хорошим това-

рищем. Не вредно при всем этом быть еще человеком знающим. Поцелуй Мишеньку.

Саша.

К сыновьям

19/VII—53 г.

Дорогой мой большущий Шура, главный ты мой сынчик!

Спасибо тебе за письмо. А не то я уже начал поругивать тебя, пришлось даже оправдываться в телеграмме. Может быть, ты был обижен моим письмом — с приложением вырезки из газет? Обижен потому, что — занимаешься аккуратно, а тут... на тебе!

Но ты не обижайся. Люди меняются с возрастом, а в твои годы физические и моральные перемены в человеке совершаются иногда в несколько месяцев, и мне кажется, что ты на самом деле очень меняешься к лучшему — и в отношении к учению и в отношении к товарищам и вообще — к людям. Или мои выводы

* Эти строки, написанные по просьбе редакции, Ю. Н. Либединский прислал в «Смену» за несколько дней до своей смерти.

ПОПРИЕД СОВЕТСКИХ ДРУЗЕЙ

преждевременны? Благодаря известным материальным преимуществам жизни, которые предоставлены советским строим писателям и вообще людям искусства, дети мое — Миша — прошлой и проходит в изобилии материальных благ: без труда достается все «сладоко» — и хорошая одежда, и велосипеды, и ружья, и пианино. Это создает невольное и непрерывное известную привлекательность жизни. И если люди — и взрослые и дети — бездумно идут по пути такой привлекательной жизни, они начинают забывать о том, что это создается народным трудом, что сами они — дети народа и работники у народа. И мне очень хочется, чтобы ты больше общался с «обыкновенной» советской средой — с товарищами по классу именно из этой среды, а также с Колей³ и его друзьями. Тебе тоже давно бы следовало посетить дома отца (теперь-то это оповедано только болезнью) и познакомиться во время канкул с компанией хороших товарищей — больше туристские походы через колхозные районы, поставив своей целью, чтобы делал Коля и его товарищи в Калининской области, известную культурную пропаганду среди населения. Надо участвовать в экскурсиях на заводы — в Москве и в более отдаленных районах. Вообще, надо больше прибывать к своему кругу советской жизни, к основе основ — к жизни миллионов рабочих, крестьян, интеллигентов, понимать этим классовым и социальным, а также неотъемлемой этой среды.

Мы сами — я и мама — виноваты в том, что не приучил тебя, а также твою маму, к участию в физическом труде. Когда я был мальчиком, мама моя, теперь твоя немощная бабушка Нина, причула меня и сестру Таню и брату Володе в возрасте двенадцатого и сельскохозяйственного труда: мы сами пришивали себе оторванные пуговицы, плели заплата и заделывали проемы в одежде, мыли посуду и поли в огороде, сами ставили постели, а кроме того — косили, жали, везли снопы на поле, поливали, ухаживали за овощами на огороде. У меня были старяные инструменты, и я, и ты, и твой брат Коля и Володе всегда что-нибудь мастерили. Мы всегда сами плели и кололи дрова и топили печи. Я с детства умел сам запирать лошадей и оседлать его, и ездить верхом. Ты не только делал как мальчишки, но это и очень дисциплинирует человека. Но это и не просто дисциплинирует. Все, абсолютно все, даже самые маленькие работы такого рода выполнялись и мне, и моей сестре Тане, и брату Володе во взрослой жизни — и на войне, и в домашнем быту, и в общении с людьми по работе, когда пришлось работать в условиях деревни или рабочей среды и служить примером. Бабушка Нина, тогда еще не такая старая, не могла по характеру своей работы много заниматься садоводством. Ей оставалось только плести или шить, но мы сами любили все это. Мы не дали этого толчка ни тебе, ни Мише. Но как бы я был счастлив, если бы ты почувствовал впе-

чение к физическому труду и немногого сам воспитал бы себя с его помощью! Ведь я уверен, что ты не умеешь пришить пуговицу, зачинить дырку в рубашке, даже не умеешь держать иглы. Вряд ли бы ты сумел сделать сам скворечник, например, или вырезать ненужные ветки у яблони (ибо не знаешь, какие ненужные сребаются). Я уверен, что можешь ты сам разобрать и собрать велосипед до последнего винтика или это делает за тебя Андрей Федосеевич⁴. Но когда ты разбираешь, чистишь, собираешь ружье, когда ты возмоща со своими голубями, когда ты метко стреляешь, я вижу, когда ты ловки пареня, какие у тебя точные, умелые пальцы, и мне становится жалко, что эта твою ловкость и умение находят такое малое приложение.

Мы обладаем такой богатой библиотекой, — лучшие книги, журналы, газеты — твоим родителям. Тебе давно уже необходимо приобщиться к прекрасной русской и мировой художественной классике, читать и научные и политические книги и журналы. В твою жизнь надо ввести картины, картинные галереи. Был бы ты, например, в Третьяковской или в Музее революции, или в музее Ленина, в Зоологическом музее, в Политическом музее и проч. Я пишу тебе эти «недоглаголиски-назидательные» письма не для нагнетания скуки. Отдышка тебе вволю! Набирайся сил! Живи весело! Но... подумай: надо, если хочешь, как бы не разориться, лежа под одеждою. Да не раз подумай, и не да и не три, а — как следует! И претвори это в жизнь. Иначе жизнь твою будет тусклой, и ты будешь стеснен работником.

От всей души крепко тебе целую Коле, Володе и всем вашим друзьям!

Папа.

14/VIII—53 г.

Дорогой Мишенька!

Нуужели тебе уже девять лет? Давно ли я взял тебя совсем-совсем крошечного из маминих рук и вынес в первый раз на улицу? Дневной свет брызнул тебе в глаза, и ты ажиком испугался и повернул головку назад.

Тебя можно от всей души поздравить, потому что ты хорошо учишься. Очень часто поздравлял мальчишек и девочек, которые за год, что прибавилось еще один год их жизни. А какая у этого заслуга с их стороны? Ведь год за годом прибавляется и голубям, и коровам, и Нелке, и Ральфу, и даже рыбам в пруду, а их никто не поздравляет!

Вот и я поздравляю тебя не за то, что тебе 9 лет, а за то, что ты и в этом году, как и в прошлом, хорошо учишься. Желаю тебе здравья, как бы ты ни болел, чтобы ты вырос образованным, смелым и правдивым человеком. И хочу, чтобы ты был не балованным мальчиком. А вернее, чтобы баловался только чуть-чуть, — ну, не большие, чем полагается мальчику в девять лет!

Крепко тебе целую, мой хороший любимый сынок.

Папа.

Торodoro Радотин до осени прошлого года, до того памятного дня, когда сюда прибыли первые отряды молодых строителей, был почти бездомен. Юноши и девушки со значками Чехословацкого Союза Молодежи на груди пришли в городок строить крупнейший в стране цементный комбинат. Радотин ожив. Работе организовывал в жилищно-строительную самостоятельность, сколотил хорошую команду. А в штабе строики, в комитете ЧСМ, началось деятельная подготовка к строительству.

Как-то секретарь комитета ЧСМ Антонин Краточий поделился с ребятами:

— А не объявить ли нашу строику молодежной? Я думаю, если бросить такой призы, парни и девушки пойдут к нам со всех концов. Есть же в Советском Союзе комсомольские дома, шахты...

Ребята единогласно поддержали. Антонин эту инициативу одобрил и Центральный Комитет ЧСМ.

...Мы едем вдоль берега Влтавы, то и дело обгоняя грузовики с цементными брикетами, лесом. С каждой минутой все востеннее ощущается приближение большой стройки. Поворот шоссе — и перед нами встают первые дома Радотина.

Лумир — Таубер рукой подать, — говорит шофер.

Спускаемся под гору, и взору открывается громадная панорама строительства. По рельсам узкоколейки ползут, возлагают на поворотках, составы вагоночнов с породой; грохочут транспортеры, слышны очереди отбойных молотков.

По дорогам ползут машины строителей: бетономешалки, лебедки, гусеницы бульдозеров. Всюду юноши и девушки с обветренными, загорелыми лицами.

У конторы нас встречают Антонин Краточий и главный инженер Лумир — Таубер.

— Чест праце!⁵

— Праце — чест! — откликаемся мы.

Во втором этаже — небольшая комната с табличкой «Комитет ЧСМ». Лумир Таубер разговаривает на столе чертёж.

— Наша страна бедна водой, — говорит он. — А спрос на электроэнергию растёт из года в год. Чтобы полнее использовать ресурсы Влтавы, энергетики задумали воздвигнуть на реке каскад гидроэлектростанций. Но разве можно построить хоть одну ГЭС без цементов? — Лумир кинув шуринерс — Вот поэтому-то и встал вопрос о сооружении крупного

комбината по производству цемента. Конечно, цемент нужен не только для будущих ГЭС.

— Мы должны завершить строику к июню 1961 года, — ставляет Антонин Краточий. — Срок жесткий. Но мы уверены, что уложимся. Энтузиазм молодежи, помноженный на технику, даёт прекрасные результаты...

Лумир Таубер говорит, что завод спроектирован по последнему слову техники: он будет производить цемент как называемым «сухим способом».

Лумир — высокий, широкоплечий, молодой человек с прямым, открытым взглядом ярких глаз и крупными чертами лица. Он трудится на стройках уже не первый год. Окончив институт, Таубер возводил жилые дома в Праге, потом был командирован в Кореюскую Народно-Демократическую Республику на строительство одного из заводов.

— Там я впервые познакомился и подружился с советскими товарищами, — вспоминает Лумир. — Замечательные, простые и знающие люди. Тогда я был очень молодым инженером. Советские специалисты знали меня. А теперь я, как видите, здесь.

Лумир хорошо знает все участки новостройки, знаком с каждым рабочим. Он говорит, что по путевкам ЧСМ в Радотин приехали юноши и девушки самых различных профессий.

— Вот, например, девчата из бригады Иржики Миковской...

Мы минувем котлован, открытый по главным линиям, и поднимаемся на эстакаду. Лумир знакомит нас с девушками.

Иржики Миковская приехала на строику из Праги, где она работала продавщицей в магазине. Божене Дружина и Яна Хадербаблева — по профессии токари. Мария Новотна — электрик, а Мария Шултисова раньше трудилась на молочном заводе. Только Миковская знакомая с производством цемента. Она бывший оператор небольшого цементного завода под Прагой.

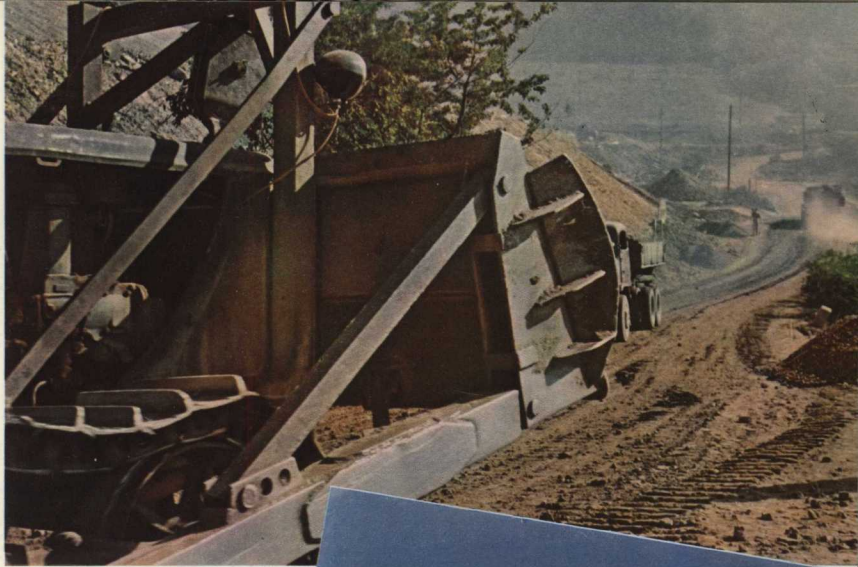
Я спрашиваю Иржики, кем занимается девчата в бригаде здесь, на стройке.

— Мы разнорабочие! — с гордостью отвечает бригадир. — Выполняем любую работу, куда посылает комитет ЧСМ. Сейчас заменяем арматуришки, которые наводят мост. А завтра, — девчужки оживившись взглядом строику, — пойдем рыть котлован под склад или строить железную дорогу. Ружья у нас, молодцы, со всем снаряжением!

...Когда мы возвращались в контору, нам навстречу попалась девушка в яркой котфочке.

ПРИМЕЧАНИЯ. 1. Петр Николаевич Федосеев — ныне директор Института Физической Академии наук СССР, профессор. 2. Татьяна Александровна Федосеева — ныне преподавательница в Ленинградском институте писателей. 4. Андрей Федосеевич Фролов — шофер А. А. Феде-

⁵ «Честь труду!» — приветствие.

Утро на стройке. Первый рейс.

...На одном из участков
мы встретили Данилу Малиюву...

Фото И. Гричера.

Она несла на плече кувалду. Мы спросили девушку, куда она идет.

— К ребятам,— улыбнулась она,— я у них теперь за главного. Вот кувалду получила у кладовщика...

Мы тоже не смогли сдержать улыбку: уж больно велик был молот для ее небольших и нежных рук.

— Я городская,— смутилась девушка,— не смейтесь, привыкну.

— Данила, скажи, только откровенно,— неожиданно обратился к девушке Лумир,— тебе нравится на стройке или через месяц решишь уехать под крылышко к маме?

— Что вы, что вы, содруг инженер! — Девушка замахала рукой.— Разве можно! В мыслях такого не держу.

Она замолчала, задумалась. Потом подняла глаза, посмотрела в упор на Лумира и сказала:

— В школе мы учили историю...

Помню одну легенду. Очень-очень давно на горе Ржиш, там, где Влтава сливается с Лабой, воевода Чех основал чешское государство. Он сказал: «Будем селиться здесь!» Так и мы. Скажем, что построим здесь цементный завод,— быть тому! Вот как я думаю, содруг главный инженер.

Лумир крепко пожал худенькую девичью руку.

гор. Радотши.

Играют сильнейшие команды страны: ЦСК МО и «Ирылья Советов». Армейцы атакуют...

Фото О. Неелова и Э. Давтяна.

ШАЙБА В ИГРЕ

...Искрыта освещенный прожекторами прямоугольный лед, размыченный цветными полосами и кругами. Режут лед коньки, резко, как выстрелы, цепляют удары клюшкой, на бешеных скоростях носится игрок в ярком свитере, а за барьерами в полу-мере жарко дышит переполненная трибуна...

В ЧЕТЫРНАДАТЫЙ РАЗ

Хотя этаким-футбол все еще занимает первое место в сердцах наших любителей спорта, хоккей с шайбой сильно «поднимает его». Уже давно перестали считать ежегодные соревнования по футболу. А перед словами «Первенство СССР по хоккею» все еще ставится римская цифра, в этом году — XIV. В четырнадцатый раз мастера клюшки и шайбы решают, кто сильнее. Сейчас этот спор в самом разгаре.

Спортивные мудрецы говорят, что не бывает двух одинаковых матчей. А тем более первств! Что же характеризует новый хоккейный год? Пожалуй, две отличительные черты:

1. Новая система розыгрыша первств.

2. Выиграв Белой Олимпиады — Сiao-Вели.

Первенство в этом году проводится в два этапа. Восемнадцать ведущих команд, составляющих класс «А», разбиты на три зоны: Московскую, Центральную и Урал-Сибирскую. Игры проходят в пять кругов. Это позволяет выявить действительно сильнейших, внести в матч настоящее спортивное напряжение и азарт. За тем двадцать первых команд (по четыре из каждой зоны) составят финальную путьку. Здесь встречи будут проводиться уже по олимпийской системе: проигравший выбывает.

Раньше все лиliga хоккейной зоны, где сосредоточены сильней-

шие команды: «Локомотив», «Крылья Советов» и чемпионы страны — команда армейцев ЦСКА МО.

Пока армейцы сильнейшие; но на протяжении самолюбивые. Несколько раз они рано переоценивали себя и просто чудом избежали поражения. Радеут своей игрой команда «Крылья Советов». Профсоюзные хоккеисты — самые серьезные претенденты на золотые медали чемпионов СССР. Динамовцев упрекают в «молодобо- лезии». Спортивные обозреватели заблудили тревогу и рекомендуют срочно лечить этот опасный недуг.

«Больше используйте молодежь!» — говорят и болельщики. И как хороший пример приводят коллективы «Спартак» и «Локомотив». Последние в прошлом сезоне именовали командой молодых, а сейчас можно смело до- бавить: молодых мастеров. Да, класс игры железнодорожников сильно повзрослел.

РАЗГОВОР С НИКОЛАЕМ СОЛУГОВЫМ

— Последнее за игрой, — сказал Солугов. — Видите, как изменился хоккей!

Мы сидим на трибуне во Дворце спорта. На поле сборные команды СССР — первая и вторая. Конечно, это ориентировочные названия. Еще будут изменения, перестановки.

— Посмотрите, какая высокая скорость, какая техника у игроков! — продолжает знаменитый защитник. — Наши прежние хоккейные «звезды» не смогли бы так...

Солугов замолкает и продолжает внимательно следить за игрой.

Капитан сборной страны недаром озабочен: впереди Белая Олимпиада, Сiao-Вели — спортивная долина в Калифорнии. В феврале 1960 года там скрестат

клюшки сильнейшие хоккеисты мира. Нашей команде в упорной борьбе придется защищать свое звание олимпийских чемпионов, завоеванное три года назад в итальянском городе Кортина д'Ампеццо. Тогда нападали боевые тройки: В. Бобров — В. Шувалов — Е. Бабин, Ю. Крылов — А. Уваров — Кузнецов и Н. Хлыстов — А. Гурьевич — Ю. Панюхов. Их отличная сыгранность (они выступали в международных соревнованиях с 1954 года) но много обеспечила успех.

Учтя это, Федерация хоккея СССР решила комплектовать сборную олимпийскую страны целевыми звенами из игроков клубных команд.

И если посмотреть составы двух наших сборных команд, встретившихся в первом отборочном матче, то мы увидим, что линия нападения представлена лучшими тройками клубных коллективов. Характерно то, что здесь много молодежи: Л. Волкову — 24 года, А. Альпихову — 19, В. Киселеву — 23, Н. Светлову — 24, В. Якушеву, В. Цыплакову и Е. Грошеву — по 22 года, В. Юрзинову — 19, Ю. Цицинову и В. Сенюхиным — по 22, а В. Орловский и И. Деконскому — по 21 году.

Интересно, что именно эти тройки — самые результативные по итогам первых двух кругов первств. Ничего не скажешь, молодежь играет на «лягу!»

МОРИС РИШАР ВЕСКОПИЕТ

Любителям спорта хорошо известно это имя. Морис Ришар — самый популярный игрок в Канаде. В 38 лет он обладает всеми качествами выдающегося хоккеиста: большой скоростью, тонкими

силовыми приемами, высокой техникой и тактической зрелостью. За свою «хоккейную жизнь» он участвовал в 1052 играх, забросил 606 шайб в ворота противника.

— Странная вещь произошла со мной этой весной, — говорит Ришар. — Выступая шестнадцатый лет в Национальной хоккейной лиге, я внезапно стал чувствовать себя как-то «чужаком» на хоккейном поле. И вдруг — это было на чемпионате мира в Праге после третьей трудной победы над русскими со счетом 3:1! — я по-

новому увидел происходящее вокруг, по-новому оценил силы наших спортсменов.

Морис Ришар понимает, что хоккей с шайбой перестал быть национальной канадской игрой, а принадлежит всему миру.

— Нельзя забывать, что русские и чехи — игроки высшего класса, — замечает канадец. — И нам нужно приложить все силы, чтобы в словах «канадский хоккей» не было печальной иронии.

Он с тревогой читает прогнозы специалистов, предсказывающих, что на Олимпийских играх 1960 года команда Канады может оказаться на четвертом месте.

«Стать», — говорит Ришар, — мы уже забыли, что оказались третьими на Олимпиаде 1956 года, проиграв не только русским, но и американцам.

Ришар обеспокоен тем, как ведется подготовка новой национальной сборной. Он поддерживает идею олимпиады в Канаде по-прежнему олимпийскую команду.

«ШАЙБУ!»

Да, наши соперники не сидят сложа руки. Хозяева Сiao-Вели — американцы — начали готовить свою сборную уже в прошлом году. Молодежная команда США, которая, очевидно, будет защищать спортивную честь своей страны, показала себе очень сильным коллективом еще на прошедшем первенстве мира в Праге. Пусть наши хоккеисты не уславывают легкие победы над чемпионом США среди любителей — командой «Броктон», которая в ноябре приехала в Москву. Один из американцев сказал тогда: «Несмотря на наш пышный титул чемпиона, мы не сильнейшие, не говоря уж о национальной сборной».

Канада, как это теперь определилось, будет представлена командой «Китченер ватерлоу датчинг», той самой, которую победил наш олимпийский чемпион в 1956 году в Кортина д'Ампеццо со счетом 2:0. Теперь канадцы собираются «смыть позор Кортины». Как обычно, сильные команды выставили чемпи. и шведы.

Нельзя с полной уверенностью сказать, что состав нашей сборной окончательно ясен. Есть отдельные игроки, хорошо сыгравшие тройки нападения, а вот команды пока нет.

«Шайбу!» — это клич напряженных трибун хоккею знаком и игрокам и болельщикам. «Собирается с силами! Вы же знаете! Ну, еще так!». Хорошл Забейте! Выиграйте! Хоккеисты шумятуют вора противника и побеждают.

Когда наши будут сражаться с Сiao-Вели, пусть вы знаете, что, сидя у радиоприемника, миллионы советских болельщиков станут мысленно скандировать: «Шайбу! Шайбу!»

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Рисунки Ю. Федорова.

Мартын МЕРЖАНОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ

О СЕЗОНЕ

Футбольный сезон закончился. Как и следовало ожидать, чемпионом страны стала команда московского «Динамо». В девятый раз завоевывает она почетный титул.

Этот коллектив сумел отлично провести первую половину дистанции и не уступил лидерства во второй. Подобные случаи в турнирной практике редки. Несмотря на трудности, которые встретились динамовцам (болезнь ведущих игроков), они сумели разумно распределить свои силы на протяжении всего сезона и с честью закончить футбольный чемпионат.

Большого успеха добились также Спортивный клуб военного округа (Ростов-на-Дону), динамовцы Тбилиси и «Локомотив». Остальные команды сыграли ниже своих возможностей.

Если посмотреть на прошедший сезон не только с точки зрения побитых и пропущенных мячей (хотя они всегда служат объективными показателями), а несколько шире, то можно сделать вывод, что класс советского футбола как-то затормозился в своем росте. Игры стали менее содержательными и, значит, менее привлекательными.

Отчасти это можно объяснить сменой составов большинства команд класса «А». На передовые позиции «футбольного фронта» пришло молодое пополнение, которое, конечно же, за один сезон не могло раскрыть себя полностью. Однако молодежь, можно сказать, обнаддевает и, видимо, в самом скором времени вырастет в первоклассных мастеров кожаного мяча. Уже сейчас обратили на себя внимание красивой, техничной и задорной игрой А. Коршунов и И. Членко, Ю. Масляев и В. Понделлер из «Ростова-на-Дону», А. Корнеев и В. Амбарцумян из московского «Спартака», А. Гавашин и И. Сабо из Киева и другие. Они, образно выражаясь, получили аттестаты футбольной зрелости.

Процесс замены одного состава другим — сложный и болезненный, но естественный, а значит, он даст хорошие плоды. «Омолождение» команд снова внесет в советский футбол скорость, которая мало-помалу утрачивается. Последние матчи проходили в замедленном, механическом темпе и, кажется, соответствовали спокойному настроению футболистов.

Помнится, в дни чемпионата мира в Швеции тренеры сильнейших команд на наш вопрос, что им больше всего понравилось в советских спортсменах, в один голос отвечали:

Скорость! Скоростью мы компенсировали недостаток техники и погрешности в тактике.

Но если смена составов является отличительной чертой сезона и служит нам радостные перспективы, то другая черта — тенденция к силовой игре — тянет нас больше к футболу назад.

Скорее можно сказать несколько поподробнее. Футбол наряду с другими качествами — мужественная, атлетическая игра, она требует искусного, свободного владения мячом. Это чувствуется не сразу. Техники овладевают еще в юношеские годы. Но молодые люди, выросшие до «футбольного возраста» и не научившиеся как следует поднимать се-

бе мяч, начинают наравестать упущенное неразрешенными приемами: толчками в спину, подкошками, ударами по ноге.

Правила разрешают толчки соперника плечом в борьбе за мяч, но эти толчки не должны носить грубого или опасного характера. Между тем один раз уходящий со стадиона и чувствуешь, что самое устойчивое впечатление от игры — это беспрерывные толчки, которые, видимо, примелькались и судьям.

Нынешний сезон особенно богат нарушениями. Кто-то на трибунах правильно его назвал «толкательным». Уже весной случилось большое количество травм в играх на первенство Союза. Такие сведения приходили со всех стадионов. По свидетельству ветеранов кожаного мяча, подобного разгула силы еще не было на футбольных полях. Все

это уже переросло в грубый, некультурный, или, как его называют сами спортсмены, «грязный» футбол. Он пошел в атаку на футбол техничный, красивый, комбинационный и нанес ему серьезный ущерб. Спортсмены, умевшие обращаться с мячом, грубую игру удавалось немногую унять. Число травм уменьшилось.

Но ущерб, нанесенный так называемым силовым футболом, не ограничивается травмами. В конце концов меры, принятые Федерацией футбола СССР, а также широкой общественностью, грубую игру удалось немного унять. Число травм уменьшилось. Но силовые принципы несколько изменили лицо любимой игры, затормозили рост техники, предопределили иные тактические задачи. И это жаль.

Наиболее ярко силовой футбол проявился в игре двух команд: Центрального спортивного клуба Министерства обороны (ЦСК МО) и кишиневского коллектива «Молдова». Но успехи их были весьма кратковременными. В начале сезона они ошеломили своей игрой почти все команды, а затем вынуждены были уступить место более техничному и комбинационному коллективам.

В борьбе с силовыми принципами прошел почти весь футбольный сезон. Эти же принципы диктовали и некоторые тактические особенности. Можно смело сказать, что в нынешнем году советскому футболу прививалась вакцина оборонительной игры. Некоторые тренеры начали ломать схему расположения игроков, усиливая оборонительные линии команды за счет нападающих. Появились перенятая у бразильцев и примененная без учета технических возможностей система чеченского футболиста, возникли дроморожденные системы с пятью, шестью и семью игроками обороны — системы, которые можно было бы охарактеризовать словами еще Пушкина:

Но и эта, чудная советскому футболу тактика успеха не имела, а вреда приносила немало. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, как комментировал сборная олимпийская, как она играла с румынскими и болгарскими футболистами. Каждый раз наша команда выигрывает только тиреми, а изредка четырьмя форвардами, к тому же все поддержки полузащитников, которые были оттянуты к своим воротам. Несомненно, это усилило оборону. Наши спортсмены за четыре матча пропустили только два мяча. Очень хорошо! Но зато они и забивали только три гола. Очень плохо! В итоге почти наверняка потеряли право выступить на Олимпийских играх в Риме в августе будущего года.

В статье знаменитого ветерана футбола Александра Пономарева, опубликованной в «Советском спорте», в очень жалостном тоне объясняются причины поражения нашей олимпийской команды. В ней говорится о многом: о болезнях и травмах игроков, слабости молодых футболистов, предстартовой лихорадке и нервно-напряженности. Но в этой статье ничего не сказано о тактике команды, которую кто-то метко назвал: «Господи, хоть бы мячи!».

С тактой, с позволения сказать, тактикой давай же не удавай. Нельзя выиграть состязание, все время оглядываясь на свои ворота и не обращая внимания на чужие. Эта правда, истина, подтверждена тысячами случаев, до сих пор не являясь еще убедительным аргументом для нашего тренерского совета. Может быть, поэтому так часто проигрывают и высказывали минимые причины, умалчивая о причинах проигрыша.

Советский футбол переживает свой первый обновления. Нет сомнения, что со временем оно преодолет болезни, найдет лучшие пути развития и вновь достигнет успехов.

Большое число молодых способных игроков и целых молодых команд дает повод считать, что в ближайшие годы мы будем иметь красивый, комбинационный, атлетический и высокотехнический футбол.

Удачный обстоят

Фото М. Муразова.

Появление каждого нового исполнителя роли Гамлета — одной из сложнейших в мировом театральном репертуаре — всегда событие. Аппал перед спектаклем с участием Эдуарда Марцевича и горячие аплодисменты после спектакля говорят о том, что событие это оказалось значительным. Зрители полюбили нового Гамлета. Полюбили, несмотря на то, что не всё в этом новом Гамлете удовлетворяет их. Впрочем, может быть, неразумно требовать от молодого актёра передачи всей философской глубины образа, ибо это не всегда удавалось даже лучшим исполнителям роли Гамлета. Как известно, Белинский отмечал, что у Мочалова почти всегда «пропадал» центральный монолог «Быть или не быть». Правда, впервые создав образ Гамлета, противоречий известной концепции нерешительного, слабовольного человека, которая несла свое происхождение от Гете, Мочалов, естественно, и не стремился подкрывать этот монолог.

Но если приглушенное звучание центрального монолога имело оправдание и определенный смысл в то время, то теперь, когда концепция слабовольного Гамлета отошла в прошлое, сцены размышлений, отчаяния никого не собьют с толку, но зато помогут раскрыть образ во всей сложности.

В Марцевиче-Гамлете зритель чувствует искренность, бурное кипение молодой души, мятежная сила. Гамлет Марцевича — это пылкий, стремительный, пронизанный духом борьбы и в то же время одиозный юноша. Он одинок сре-

ди окружающих его «несносных старых дурачей», вроде Полония, или самозванных посредственностей, как Розенкранц и Гильденстерн. Какая боль чувствуется в его словах, обращенных к Гильденстерну: «Неужели на мне легче играть, чем на какой-то дудке?» И вдруг твердо и сосредоточенно: «Спитяй меня чем тебе угодно, ты можешь мучить меня, но не играть мною!» Здесь в словах Гамлета — отпор оскорблению человеческого достоинства и величие человека, который не позволит над собой издеваться. Эта сцена тонко и умно сыграна. Марцевич создает образ сильного человека, вынужденного бездействовать в условиях Дании-тюрьмы. Гамлет-Марцевич говорит об этом с печалью. Да, он не безразличный наблюдатель жизни — это удел розенкранцев и гильденстернов. Он ясно осознает свою задачу — исправить вывихнутый век. Марцевич пронесит эти слова на вершине утеса, но проносит без ложной патетики и в то же время так, что ясно: для Гамлета это не просто слова.

Борьба с невинным ему королем — первый шаг на пути борьбы с действительностью, столь далекой от его идеала.

В этом плане воспринимается и ночной диалог с королевой-матерью после сцены «мышеловки». Убежденно доказывает Гамлет матери, какими ничтожеством является король Клавдий. Сцена эта удалась актеру.

Хорошо передано Марцевичем и лирическое начало в сцене яд могильной Офелии. Вместе с тем этот эпизод дает почувствовать, на-

сколько Гамлет выше всех окружающих его.

Зато предшествующая сцена с могильщиками не вполне удовлетворяет; она требует больших раздумий, размышлений. Сильнее могла бы прозвучать и фраза в начале спектакля: «Он человек был, человек во всем». Ведь в эпоху Возрождения это была высшая гуманистическая оценка.

Однако эти замечания ником образом не могут заслонить главного. Игра Марцевича естественна, гармонична, сдержанна.

Эдуард Марцевич принадлежит к самому молодому поколению артистов. Он выпускник театрального училища имени Щепкина. Его дипломная роль — Алексей в «Оптимистической трагедии». Еще будучи студентом, Марцевич снимался в фильмах «Отцы и дети», «Аннушка».

Хочется верить, что коллектив театра имени Малковского поможет молодому актеру в совершенствовании его мастерства.

Н. ЛАЗАРЕВА

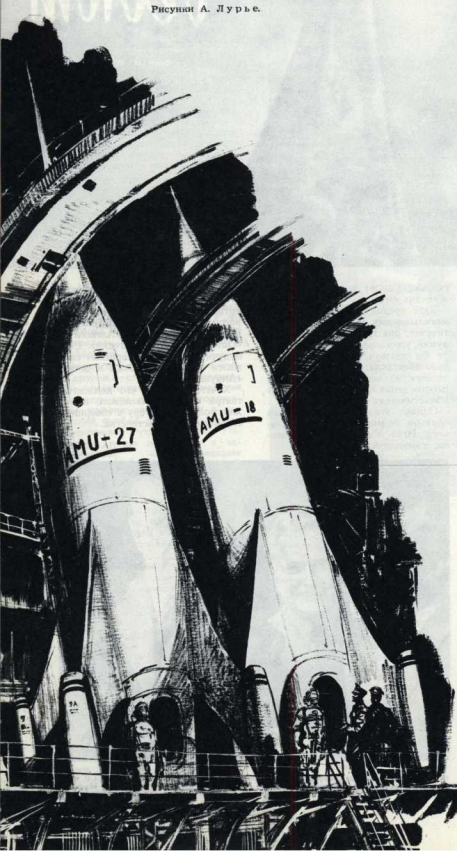

Главный режиссер Театра имени Малковского народный артист СССР Николай Охлопков и режиссер Василий Кашинин беседуют с Эдуардом Марцевичем.

ИСПЫТАНИЕ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки А. Лурье.

— Курсант Пиркс!

Голос Ослея Лончка прервал мечты Пиркса о двухрублевке, которая, как ему представлялось, лежит в кармашке старых брюк. Серебряная, звонкая, забытая. Еще минуту назад он наверняка знал, что там ничего нет, разве засаженная почтовая канитация. Но постепенно пришел к убеждению, что монета могла и быть! Когда Ослей Лончка вывал ее, он почти видел, как она оттопыривает кармашек. Можно сходить в кино, и еще полрубля останется. А если только на «Новости дня» — останется поглотить. Крошу отложить и на остальное сыграть!..

Лектор заложил по обыкновению руки за спину и спросил:

— Что бы вы сделали, натолкнувшись во время патрулирования на корабль другой планеты?

Курсант Пиркс открыл рот и выдала глупо:

— Сблизился бы.

Все замерли в предчувствии чего-то более интересного, чем лекция.

— Прекрасно, — по-отцовски изрек Ослей Лончка, — ну, и что дальше?

— Застопорил бы! — буркнул Пиркс, лихорадочно пытаясь вспомнить хотя бы один пункт из «Правил посещения в Пространстве». Послышался шепот курсанта Смита. И прежде чем смысла подсказки дошел до сознания,

Пиркс повторил во весь голос:

— Представился бы.

Курсант ахнул как один человек. Ослей Лончка секунду кривился, потом не выдержал — расхохотался. Но быстро взял себя в руки.

— Запутайся, кто мне с навигационной книжкой! — И вызвал следующего: — Курсант Берст!

Пиркс усеял. Он не обижался за дурацкую подсказку: такой уж Смит пареня — не может уступить случая пошеяться над человеком. Что отвечал Берст, Пиркс не слышал. Берст чертил на доске какие-то кривые, а Ослей Лончка, как всегда, придуривал локотками электронного калькулятора, так что в конце концов отвечавший запутывался в вычислениях. Правила допускали пользование калькулятором, однако Ослей Лончка имел на этот счет собственную теорию: «Калькулятор — тоже человек и может отказать».

По звонку группа чинно покинула аудиторию. Пиркс шел между рядами стеклянных шкафов, заставленных звездными глобусами, и с каждым шагом все больше терял надежду найти в кармане двухрублевку.

В вестибюле стояли Берст, Смит и Пиркс.

— У тебя завтра пробный полет, — заметил Берст, когда Пиркс поравнялся с ним.

— Порядок, — отозвался Пиркс: так легко он на покупку не шел.

— Не вершишь — прочти! — Берст ткнул пальцем в листок на доске объявлений.

На листке черным по белому три фамилии. Среди них: «Курсант Пиркс».

Потемнело в глазах. Потом Пиркс услышал, будто издали, собственный голос:

— Ну и что? Я же сказал: порядок!

Выйдя из вестибюля, он зашагал по аллее. Интернет находилась на противоположной стороне парка, у озера. Правое крыло здания с каменными колоннами возвышалось над водой. Кто-то пустил слух, будто колонны эти доставлялись Луной Водор, конечно. Однако первокурсники с благоволением оставляли на камнях свои инициалы. Имя Пиркса там тоже красовалось: выскреб четыре года назад.

Прядя в свою маленькую комнату, Пиркс долго колебался, прежде чем открыть тумбочку. Он прекрасно помнил, где лежит старая брошка. Для носки они не годились. Пиркс закрыл глаза, присел у тумбочки, сновозь полуоткрытую дверь сузил руку и нащупал кармашек. Ну, конечно. Пусто!

Пиркс стоял на стальном помосте под куполом зала. Обе руки его были заняты. В одной — навигационная книжка, в другой — небольшая свертка шаргаля, одобренная Смитом. Пиркс размышлял, баугут ли его обмыслить. Это, увы, случилось. Курсанты иногда брали в полеты самые неподходящие вещи — от влосских флигов с эмблем до жевательного табака и фотографий знакомых левчат. Куда бы засунуть шаргаляку? В ботинок, во внутренний карман комбинезона, в маленький звездный атлас (такие атласы были разрешены)? Неплохо бы зарплатить в футляр для очков, но, во-первых, нужен очень большой футляр, а во-вторых, он не носил очков. Немного погодя Пиркс сообразил: если бы носил, не приняла бы в Институт астронавигации.

Наконец послышался шаг. Инструкторы и Шеф были, как обычно, в полной парадной фор-

ме, а он, курсант Пиркс, в комбинации, делаемое его походом на арзатар регион. С воронника свисали длинные отводы проводов. На шею болтался нескладывающийся тубус кислородного аппарата. На плечи давил резервный баллон. В двойной противолодочной одежде было ужасно жарко.

Помост задрожал, на него взошел Берст точно в таком же комбинезоне.

— Петш? — ухмылялся Пиркс: — Тебя же не было в списке! — Заболел Бренден. Лежу за него.

Берст был не только самым способным на курсе (Пиркс это ему прощал и даже отдал доложное его математическим способностям), но и имел осязательных родичей. Так что вообще мог не думать о дурновках, случайно оставшихся в старых брюках. Кроме того, Берст был прекрасным легкоатлетом, прыгал как кот, чудесно танцевал и... а, да что говорить!

Проходки к люкам преграждали маленькие красные флажки. Пиркс знал, что должен будет отставить флажки, когда его спросят, готов ли он к выполнению задания. А вдруг, убирая флажок, он споткнется о трос и перевернется? Подобные штуки случались, как если бы это так и было, то с ним непременно случается. Такой уж он неуверенный. Лекторы называли его: ротолей, уавель. Откуда им знать, что он простител, а не лодырь.

Начали с Берста. Это тоже не простая случайность. Вернее, случайность не в пользу Пиркса: являясь лучше, как говорится, сразу, чем Петш и в пять раз.

Выступившие в струю, Берст отвечал быстро, так быстро, что Пиркс ничего не смог разобрать. А когда Шеф обратился к нему, полному испугу, Пиркс начал отвечать сегодня должны были трое. Где же тот, третий? К счастью, Пиркс все-таки услышал слова Шефа и в последний момент вывалился.

— Курсант Пиркс к полету готов! — М-да, — протянул Шеф, — курсант Пиркс утверждает, что заданием и не было в границах своих возможностей?

Шеф любил украшать обычные фразы цветочками. Он мог себе это позволить, ведь Шеф.

— На время полета произвожу Вас в пилота, — произнес Шеф. — Задание: старт вертикальный. Выход на злился Б-68. На орбите ожидается два корабля типа «ИО». Возможная сфера полета — зона контакта — спутник «ИАУ». Начальное ускорение — 2,2 «ж». Конечное ускорение черт 83 минуты ноль. Не вылезать за пределы слышимости, пилотировать оба «ИО» в треугольном строю до Луны, выйти в ее экваториальную зону на вертунку орбиту и, сойдя с нее, вернуться на посадочную в районе спутника «ИАУ». Там ждать дальнейших распоряжений.

На курсе потрошарили, что сподручно место обмундирования шаргалово летать в микрофон, который величина с вешеную косточку, которые можно будет запрятать в ухе или под языком. Уж не поведете ли. Впрочем, Пиркс это не считал, считал, что тогда и курсантов не будет. Ну, а пока что он был вынужден по-

вторить задание и при этом лишь раз ошибся, перелетав минуты и секунды времени с секундами и минутами долготы. Повторить повороты по смыслу какого-либо как-то не доходило до сознания.

Подывая навигационную книжку, он зажал в левой руке шаргалку. Устное задание было простейшим традицией. Шеф вложил конверт с заданием в кармашек под короткой книжкой и, вернув ее Пирксу, спросил: — Пилот Пиркс к старту готов?

— Готов! — ответил Пиркс. У него было только одно желание: скорее оказаться в кабине и расстелить комбинезон. Шеф отступил на шаг и крикнул величественно, стальным голосом: — По справкам!

Пиркс сделал поворот скруток, споткнулся о трос, а последний момент удержал равновесие и, словно глиняный Голеи, вступил на помост. Он был еще на половине пути, когда Берст (сзади похожий не на Берста, а на футбольный мяч) уже входил в свою ракету.

Ухватившись за массивное крепление люка, Пиркс спрыгнул вниз, вступил на эластичную ленту, включил радиопомехи, на установленном в учебном зале.

Пиркс подумал, что Берст, надев шлем, будет делать из ступней шаге, а он, Пиркс, еще только заканчивает дождик. А куда спешить? Старт раздельный, с интервалом в шесть минут, торнадо не имеет значения. Но все-таки лучше сидеть на месте, включая радиопомехи, по крайней мере, будут слышны команды, которые передают Берсту. Любопытство, какое задание он получил?

Как только Пиркс замкнул внутренний люк, в кабине автоматически зажглись лампы. Поключив за засовами и рукоятками, он прошел к креслу.

Пилот однойдотрой ракеты помещается в прозрачном шаре трехметрового диаметра, конечно, не сдвигаясь с места. Сиденье, стачного пластика. Сквозь стенки «пузыря», как его называли пилоты, видны диффербалы, стрелки, передний экран, задний, боковой, табло обобщающих данных и астрографа, траекторметр, вычерчивающий на матовом выпуклом диске путь корабля. По обе стороны кресла располагались главные рычаги реактора и рулевых отклоняющих люк, сверху — ручек малой пилотажа, штурвалы разгона и холостого хода. Над самым головой — диск климатической и аварийной аппаратуры. Вокруг ли выроста реактора (в случае, если в нем начнется неуправляемая цепная реакция), а под ногами — педаль тормозов и реактивных предохранителей, при помощи которого можно выростить «пузырь» вместе с креслом пилота и парашютами.

Устроившись в кресле, Пиркс с трудом справился, чтобы соединить свисающие с комбинезона трубки, кабели и провода с концами и патрубками сиденья. И, разумеется, перепутал кабель звуковой связи с кабелем радиопомех. Он даже огладался, когда прошиб седьмой пот. Наконец, откинувшись назад,

стал затягивать набедренные пояса. Правый зашелюлся сразу, а левый не поддавался.

В наушниках послышался глухой гул: — ...Пилот Берст на «АМУ-18!» Старт по звуковому в момент «ноль!» Внимание! Готов?

Пилот Берст на «АМУ-18» к старту по звуковому в момент «ноль!» готов! — прозвучал ответ. — Двадцать три до старта. Двадцать два до старта, Двадцать один до старта, Двадцать нуль до старта.

Какое-то ощущение было так, что, услышав громовое «Ноль!», стартовали одновременно два курсанта: тот, которого подавала команда и тот, который ждал очереди. Тот времени за палец кабель включил в последнюю секунду. Это делает сам командант реакторного. Так что счет был обыкновеннейшим блефом.

— Ноль! — равнялись наушники. В ту же секунду Пиркс услышал приглушенный протяжный гул, крепко слегка закружил, отобразил на экране, что время за палец кабель включил в последнюю секунду. И вдруг волосы у него встали дыбом.

— Чье оно?! Мне же лететь! Я, а вы сейчас полетели!

Пиркс торопливо стал приводить рычаги в стартовое положение, считая: первый, второй, третий, а где же четвертый? Так. Потом пелень. Красное, зеленое, потом автомат. Так. Или зеленая перед красной?

— Пилот Пиркс на «АМУ-27» к старту по звуковому в момент «ноль!» готов! — прозвучал ответ. — Старт по звуковому в момент «ноль!» Внимание! Готов?

— Нет ещел! — хотел крикнуть Пиркс, но вместо этого пролетел:

— Пилот Бе... э... пилот Пиркс на «АМУ-27» готов... э... к старту по звуковому в момент «ноль!»

Пиркс тут же сказал спасибо Берсту, потому что слова эти неслись, как врезались в память. Автомат отсчитывал: — До старта шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать... Пилот Пиркс вполетел. Попытлся вспомнить что-то дьявольски важное и не мог.

— ...шесть, пять до старта, четыре, три до старта, два до старта, один до старта.

Пиркс сжал испотенными пальцами рукоятку. Наушники гаркнули: — Ноль!!! Пиркс сразу, совершенно сама, потянула рычаг. Что-то заревело. Слово эластичным прессом сдавило грудь, голову. В глазах потемнело. Немного и неведомого. Когда зрение вернулось, по экранам явственно молотило.

— Ага, пробьюю облака. Облака исчезли. Небо было пока еще голубоватое, невозможно было различить звезды. Какое-то выдвинулись звезды. Звезды ли это? Да, звезды. Стрелки двигались по шкалам приборов, каждая что-то показывала. Нало было все ясно, а глаз только пара.

Рука сама — опять сама! — потянула за нужную рукоятку. Секунды — 7,1 в секунду, высота — 201 километр. Заданная кривая стала вырисовываться. Пиркс медленно откинулся на спинку сиденья. Сжал рукоятку. Кресло наклонилось. И вдруг Пиркс бросило в жар: — Да, Пиркс! Ускорение — 1,9. Пиркс медленно откинулся на спинку сиденья. Сжал рукоятку. Кресло наклонилось. И вдруг Пиркс бросило в жар:

— Она вывалилась под креслом. Ремень, конечно, не лустят. С опущен-

ннен человека, летящего в пространстве. Пиркс открыл навигационную книжку, извлек оттуда конверт с заданием. Вскрл. Где, черт возьми, орбита Б-68? Ага! Вот она!

Он глянул на траекторметр и стал постепенно выводить ракету на кривую. Странно! Дело идет на лад!

На злился калеклятор предупредительный выдал данные для поправки. Пиркс сманировал, сильно затормозив. Десять секунд шел с ускорением минус 3 «ж». Ничего не случилось. Физический Пиркс был очис выисалось («Тебе бы такие мысли, как бишес», — говорил Осей Лонгика, — тогда, может быть, будешь настоящим пилотом!» Наконец с поправкой вошел на постоянную орбиту, подал данные калеклятору. Калеклятор молчал. «Ах, черт, забыл подключить кабель!» На диске запыркали цифры. На орбите! Но период обращения — 4 часа 29 минут вместо 4 и 26. Он не знал, допустимо ли это. Придется отстегивать понасе- вель шаргалку под креслом! Неожиданно промолвил слова профессора Каляя: «Обрты вычислены с погрешностью 0,3 процента». На всякий случай запросил калеклятору. Калеклятор ответил: «Отклонение в пределах допустимого».

«Было бы дельше», — подумал Пиркс и только теперь по-настоящему огладелся.

Верхний экран — звезды, звезды и коричневый заусенец в нижнем правом углу. Боковой экран — ничего. Только тучи и звезды. Нижний — ага! Изображение заполнения его. Ракета шла над Тресландией. Гренландия ли? Не успел сообразить — снаряд оказался над Северной Канадой. У полуса голеней снега, в очне черно-фиолетовой, вымучкой, гладкой, словно отлитый из металла, Удивительно мало облаков!

Взглянул на часы: семидесять минут полета. Пора думать о радиодистанции! Пилоты Пиркс загнула в люк с заданием и покрытия регулятор настройки. Масса

шорохов, тресков. «ПАЛ?» Как вы его познание? Напрячь слух, взгляда на экране. «ПАЛ!» не было. Ни слуха, ни духа!

Наконец послышался звон.

«ПАЛ?» — подумал Пиркс, но тут же отбросил эту мысль. — Идентичный. Служит не звенит. А что же тогда звенит? Ничего не звенит. А это что? Авария?»

Он даже не испугался. Какая авария, если двигатель выключен? Корпус ракеты расщепился, что ли? Может быть, короткое замыкание? Замыкание? Параграф... А, чтоб тебе!

Звонит и звенит. Едва доносится подкаивание далеких сигналов.

«Как муха в бочке», — подумал Пиркс, обводя взглядом стрелки и циферблаты. И тут увидел ЕЕ. Это была огромная муха, чернотелая, из той гадовой породы мух, которая и создана-то, чтобы портить людям жизнь. Нахальная, истеричная, кретиניתая, как-то чудно (какой же выщел?) повисшая в ракете, она летала за пределами прозрачного колпака, тыкаясь в освещенные циферблаты.

Когда муха приближалась к калькулятору, Пиркс слышал в наушниках гул четырехмоторного самолета. Над верхней рамой калькулятора — микророль. Резервирован в аварийный случай. Таких устройств — «на всякий случай» в ракете масса.

«А жаль, нельзя наунуть туда какого-нибудь ДДП? Зависело так, что он даже поморщился. Муха ползала по калькулятору, чистила крышечки. Ну и погань!

В наушниках возник ритмичный далекий писк: три точки — тире, две точки — два тире, три точки — тире. «ПАЛ!»

Теперь внимание! Вые четыре экрана перед глазами. На экране радара пусто, однако кто-то кричал в наушники:

— А-семь Терралуна, А-семь Терралуна, сектор III, курс сто тридцать, вызывает ПАЛ пилот. Прием.

«Сейчас будут мои ИО», — растерялся Пиркс.

Муха взыла в наушниках и вскричала. Спусти секунду она ползала по стеновому шару.

— А-семь Терралуна, вызываю ПАЛ пилент...

Послышался писк интеркома, тихий в бронекаби. Сквозь писк провалился слова:

— ИО два Терралуна, ИО два Терралуна. Вызываю АМУ двадцать семь, АМУ двадцать семь. Прием.

«Интересно, кого они вызывали?» — подумал Пиркс и тут же подскокил в кресле. — Менья!

«АМУ», — хотел он крикнуть, но острое порывило пропустило из шва. В наушниках брэнчала муха. Он закрыл глаза.

— АМУ двадцать семь к ИО два Терралуна. Я в квартире четвёртой сектор ДДП. Включая позиционные. Прием.

Пиркс включил позиционные

опии — два красных по бокам, два зеленых на носу, голубой на корме — и ждал.

Оба ИО заговорили сразу сразу. Он включил селектор очередности, чтобы заглушить одного. Но в наушниках опять забрэнчалось. Муха! Её не отключили! «Повешусь!» — подумал Пиркс, совершенно забыв, что в условиях невесомости это немиссия.

На экране радара появились две точки. ИО! Корабль шал за ним параллельными курсами не далее десяти километров друг от друга. Сфера взаимозащитности Его обязанностью как ведущего было приказать им разойтись на допустимое расстояние — 14 километров. Пиркс уточнял на радаре положение точек, обозначая их курсами, когда на одну из них села муха. Он запустил в насекомое навигационной книжкой. Книжка, не долетев, ударилась в стену и вместо того, чтобы соскользнуть вниз, отлетела вверх, к куполу прозрачного шара. Проклятая невесомость! А муха даже не подумала улететь.

АМУ двадцать семь Терралуна к ИО два, ИО два бис. Вблизи вас. Перейти на параллельные курсы с поправкой ноль запятая ноль.

Точки на экране радара начали медленно расходиться. Навигационная книжка плавала над головой, трепеща страничками. Жужжала муха.

Да! Такое могло стрястись только с ним. Муха! Пиркс представил себе, как смеялись бы Смита с Берстом, узнав об этой проклятой мухе. Однако размышлять было некогда: они летели тройкой уже пять минут.

АМУ двадцать семь к ИО два, ИО два бис Терралуна. Дадцать семь бис. Маневр выхода на параболу. Начинаем в двенадцать десять. Курсы сто однадцать — читал он по листку, который минут назад удалось акробатическим трюком поймать в воздухе.

Корабли ответили. «ПАЛ!» уже не было видно. Неожиданно жужжанье словно раздвоилось. Пиркс протер глаза. Ну да! Их уже два! Откуда взылась вторая? «Сейчас они меня доконоват», — подумал он совершенно спокойно — стоит ли горчичник — портить нервы?»

Пиркс посмотрел на часы: пора начинать маневр. Вглядываясь в траектометр, склалась об рукоятки, пошевелил левой, потом правой. Гаухо отказался двигатель. Что-то засвисело над головой.

Навигационная книжка ударила прямо в лоб, под самый жужжанье словно раздвоилось. Пиркс протер глаза. Ну да! Их уже два! Откуда взылась вторая? «Сейчас они меня доконоват», — подумал он совершенно спокойно — стоит ли горчичник — портить нервы?»

Пиркс посмотрел на часы: пора начинать маневр. Вглядываясь в траектометр, склалась об рукоятки, пошевелил левой, потом правой. Гаухо отказался двигатель. Что-то засвисело над головой.

Навигационная книжка ударила прямо в лоб, под самый жужжанье словно раздвоилось. Пиркс протер глаза. Ну да! Их уже два! Откуда взылась вторая? «Сейчас они меня доконоват», — подумал он совершенно спокойно — стоит ли горчичник — портить нервы?»

часа выжидать в лабораторной centrifuge при 4 «же». Конечно, приятного мало: руки, ноги, голова словно свинцовые.

Пронерв по радару положение следующих за ним кораблей, Пиркс подумал о Берсте. Киногерой Прямой нос, глаза серые. И, уж конечно, без шаргалки. Положим, и ему шаргалка не пригодилась.

Брэнчание в наушниках ослабло: мухи прогулялись по поверхности шара. Мерзость!

Порыв восемь Ареслуна вызывает треугольник Терралуна. Вы на сходящемся курсе. Прошу отклониться. Прием.

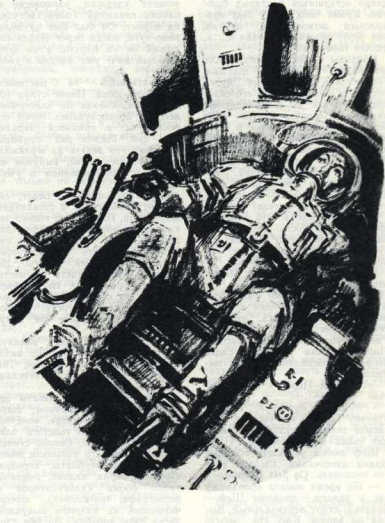
«Болван, идет напрому. Видит же: я в строю!»

— АМУ двадцать семь, ведущий треугольник Терралуна, вызывает

сойти с курса. А вот вернуться, почти невозможное. Калькулятор бесплезен: по нему поддают мухи.

С трудом минут через двадцать все-таки вышли на первоначальный курс.

«А у Берста, наверное, дорожка как пылесосом вычищена. Э, не все ли равно! — Пиркс включил автомат редуктора и вдруг увидел такое, от чего его противопотный костюм стал мокрым. Белая крышка распределительного щита мигляла за миллиметром схода с зажимов. Видимо, зажимы ослабли во время рывков. Ускорение все еще превышало 1.7 «же», и крышка сползала, словно кто-то тянул ее, привязав невидимой ниткой. Наконец со-

Порыв восемь Ареслуна. Иду в строю, курсы не меняю. Произведи обходной маневр. Конеч.

Где этот нахальный Порыв? Вот он! Не дальше полудтора тыщи километров.

— Порыв восемь к АМУ двадцать семь Терралуна. У меня пробит гравитационный распределитель. Немедленно произведите обходной маневр. Прием.

— АМУ двадцать семь к Порыву восемь. Произвожу маневр обхода. Отклонение северное, сектор Луна один ноль запятая шесть. — Говорю это, Пиркс включил отклоняющие диски.

Оба ИО точчас ответили, сдвинулись, звезды пополнили по экрану. Порыв благодарил. Пиркс пожелал ему счастливой поездки. Это считалось хорошим тоном. Потом возвращение на орбиту. Ужас! Нет ничего легче, чем

сключила. Заблестели провода высокого напряжения.

«Что я, собственно, испугался?» — подумал Пиркс. — Великое дело С крышкой, без крышки, не все ли равно?»

Пиркс пошевелил взглядом: сейчас отключила крышка; потом, чего доброго, отлетит корма! Вперед еще двадцать семь минут полета с ускорением...

Пиркс пошевелил взглядом мух. Они кружили по поверхности шара, но тут уелся на предохранитель. Главул в радиорольке был ИО на курсе. На переднем экране — огромный в полнеба, диск Луны. Попробовал отскаты на внешнем склоне Архимеда станции «Луна-гваиван». Но с корабля возможно было заметить только разутюженную поверхность ракетодрома с сигнальными огнями, да и то только. Сейчас же Ари-

дима бел завет солнечным светом. Луна выглядела так, словно на нее никогда не ступала нога человека. От Луных Альп на равнину моря Дождей ложился далекий туман.

Луныный диск медленно рос на экране, вытесняя черное небо.

Странно: мухи уже не жужжали. Пиркс глянул в сторону и обмер: одна из них висела на предохранителе, словно висела на крючке. В нескольких миллиметрах от нее поблескивал провод.

Почувств в туалете, муха поплыла по проводу к лампе. А другой ей заблуждался по рельсете на другой? Так оно и случилось. Зажужжав, муха усеяла на крайнюю мелкую жилу. Не было ей другого места! А если передние ламки оказались на одном проводе, а задние на другом? Ну и что же! В худшем случае придется короткое замыкание, а в лучшем выгорит предохранитель ток, муха согорит, ток снова включится. Все пойдет своим чередом, а с мухой будет покончено!

Словно заигнорированной, галактика перестала выжигать напряжение. Короткое замыкание! Черт его знает, что может случиться. Еще восемь минут с убывающей титрой будет работать двигатель. Все!

Пиркс как раз смотрел на часы, когда что-то блеснуло и лампы погасли. «Муа!» — пронеслось в голове. Затаяв дыхание, он ждал, когда закончат ток, когда погасит томот сработала. Лампы зажглись слабым оранжевым светом. И тотчас автомат снова выключил ток. Выключил. Выключил. И так без конца. Но так же Пиркс разделил в миллиметрах вспыхивая: от мухи — скотина, втиснувшаяся так же между проводами! — остался обдуваемый струей, соединившей оба кабеля.

Нельзя сказать, чтобы Пиркс был очень испуган. Возбужден? Да. Но разве с момента старта он был хотя минуту спокоен? Да, минуты которых оставались четыре минуты. Тут беспокоиться нечего: автомат редуктора сам выключит двигатель. Холодный ручек враз победил по спине: как же автомат выключит? Ведь короткое замыкание! Но реактор? Реактор ведь обособлен? Реактор да. Но не автомат. Конструктор не учли, что в кабину может залезть муха, и тогда автомат выключит и будет замыкание — такое замыкание!

Лампы мигали беспрерывно. Надо было что-то делать. Но что? Перелазить по проводам? Нет, рубильник. Тут, под ногами, за креслом. Рубильник выключит основную проводку и подключит аварийную. И все будет в порядке. Неуж ли уж до этого додумалась ракета. Все предусмотрено.

Интересно. Берст тоже вот так быстро сообразил? Надо думать, да. А может быть?..

Пиркс подскочил. Совсем забыл про ИО. Он не успеет произвести маневра.

— АМУ двадцать семь, ведущий Тераулуна, к ИО два. ИО два к ИО один. Борз замкнул. Маневр выхода на временную орбиту над экваториальной зоной Луны производится с запаздыванием... Задержка неопределенная время... Производит маневр один. Прием —

— ИО два бис к ведущему АМУ двадцать семь Тераулуна. Маневр произножу совместно с ИО два. У тебя в запасе девят-

надцать минут до диска Луны. Желая успеха. Конеч.

Пиркс еле дослушал. Открутил кабель радиоданя, кислородный шланг. Встал. Автомат редуктора зарелся рубиним — кабина то выключилась, то замыкало погасла в темно-оранжевый свет.

Двигатель не выключился. Красный огонек смотрел на Пиркса из полусферы, словно горел помидор. Выпрыскался мерный гул — аварийный сигнал.

Главный рубильник находился в кассете, вытолкнутой в пол. Киркс сел на корточки. Ключи? Ключи у него. Пошарил еще раз. Негу! Поднялся. Взглянул на экраны. В переднем горел уже не серебристый, а белый, как горячий снег, огромный диск полной Луны. Зубчатые тени кратеров ползли по поверхности. Пошарился писк радариного альтиметра. Из полудым высказались аварийные сигналы. Кнопки? Кнопки? Кнопки? Кнопки? Сталь не дрогнула.

Боже! Как он мог забыть! У самого уха, там, где прозрачная стена передатчик сужающийся туманным излучением, вырвалось специальный рычаг под лобковой: ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ АВАРИИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЯ.

Достаточно его повернуть и подметать по поверхности. Можно будет пролезть на другую сторону! А там как-нибудь изолятором он очистит провода.

Пиркс одним прыжком оказался у красного рычага. Потянул так, что захрустело в суставах. А шар даже не дрогнул. Пиркс тупо смотрел на рычаг и видел в габубе экрано-пылающую Луну. Огни мигали над головой. Он дернул ручку еще раз. Впустую...

Ключ! Ключ к кассете рубильника! Пиркс ринулся на пол, заткнул пол под кресло. Шарпакала. И больше ничего!

Лампы неустойно мигали. Предохранитель мерно выключал ток. «Конеч! Прерисе! Конеч! Конеч! Выбросьте вместе с клузырми!» Бессмысленно. Парашюти не сработают. У Луны нет атмосферы!

Кнопки кричали: «На помощь!» — но некого было звать. Что делать? Должен же быть выход.

Снова подсколка к рубинке — чуть не вывернула руку. От бесчисленных плашек галактик, галактик, галактик. Где кабель? Почему каздал механизм? Альтиметр: девять с половиной тысяч километров. На раскрасном фоне четко вырисовывались скалистые пины Тимохариса. Показалось, что видит место, куда врезается корабль. Удар, взрыв и...

Взгляд упал на распределительный щит, откуда мерно оставались от мухи курава пепла, соединившая провода.

Выставив лопу, Пиркс бросился вперед. Страшный удар. Степик шаря оторвался его на пол, слетел в заднюю кабину, загорелся камеру. Он снова вскочил на ноги, тяжело дыша, с кровотокающими губами, и опять кинулся на прозвучавший результат. Тут же... Взглянул на экраны. Муха поплылажка для кратковременных ускорений, порядка 10 «жес». А что, если?..

Пиркс бросился на рычаг; па-

дая, ухватился за него, дернул. Его ударило об пол. Потонул еще раз. Мгновением толчок ракеты. Головой стукнулся о кресло. Если бы не пенюпалстик шлем, череп бы лопнул.

Продолжался неслух. Мигание неожиданно прекратилось. Кабину залл ровный, спокойный свет ламп.

Двойной удар — мгновенных толчков вытолкнул обдуваемый с трепком мухи из взора между проводами. Замыкание ликвидировано. Чувствуя прыжок крови на губах, Пиркс бросился в кресло, словно в танк.

Начавший действовать автомат выключил двигатель. Ощущение тяжести исчезло. Теперь корабль летел по инерции, словно камень, падающий на скалистые обломки Тимохариса.

Альтиметр: тысяча восемьсот километров до поверхности. Услет ли автоматом? Исключено! Автоматом? Секунду! Надо свернуть, выйти из пирующего полета. Только так! Полная тата на отклонение! Горизонт ртутью, словно излитый в жидкий диск, дрожал, выходя вперед, начал сдвигаться вниз. Кресло скрипело под растущей тяжестью тела. Корабль выходил на кривую над самой поверхностью Луны.

Ручкой стала твердой, долой, до конца. Пиркс задышался. Ребра вдавливали внутрь, серые куры плавали перед глазами. В радарином альтиметре прыгали цифры: 400, 300, 200, 100, 0.

Пиркс знал, что из двигателя выкаже это, и все-таки пытался еще хоть немного дожать рубинку. Высота уменьшалась. Краем глаза он глянул на ракетомотор. Диск аппарата, кроме рамы, по которой шел корабль, и ее пунктирного продолжения, показывая профиль лобной поверхности, обе крайние стороны, были выровнены на поверхности — почти сохладил. Пресекались ли? Нет. Вершина кривой намечал пунктиром, и было несомно, проскотметр ли корабль над поверхностью, или врезается в нее. Трансметр работала с ошибкой в семь-восемь километров, и Пиркс не мог точно определить, пройдет ли кривая в трех километрах над скалами или под ними.

В глазах потемнело: 5 «жес» делала свое дело. Он судорожно стиснул пальцы, чтобы не выскочить, подaddock под его весом амортизаторы кресла. Губы не слушались, и он отсчитывал, не шевеля языком: двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре. На пятидесятой секунде блеснула мысль: сейчас удар, если вообще он будет!

Ему стало плохо: ушачье звон в ушах, в глазах кровавые туманы. Пальцы сами отпустили рубинку. Ничего не слышно, не видно... Постепенно начало светлеть. Дышать стало легче.

На гавнестере 2 «жес. Передний экран пестр: звездное небо, от Луны на след. Куда делалась Луна? Луна внизу, под ногами.

Из смертельного тинге его выбросило в открытый терек корабль — давался от Луны, постепенно уменьшая скорость. Как близко он прошел над поверхностью? Альтиметр зафиксировал. Но сейчас — голубое пятно. Только теперь Пиркс уразумел, что аварийный сигнал, гудевший все время, умолок. Лорого же он обходится, этот сигнал. Уж лучше под по-

током повесить колокола. Коль могила, так могила!

Что-то тихонько забрело на наушниках. Муха! Вотерь муха! Жива, сволок!

Он застегнул ремня предостережительного пояса, положил руки на рычаги. Что же, придется сообщить об аварии. А может быть, умолчать? Черт его знает! Нет, надо сообщить. Ведь регистратор записал все: и высоту, и поручу механизмов и борьбу с аварийным рычагом.

Однако пора раздвигать. Коому он понятия не имел. Отступать реше- мые, лезет за аппаратом. В конце концов, почему бы не загнать- нуть? По крайней мере хоть те- перь пригодится.

И тут он услышал, как что-то скрипнуло, стороны открылись как-то двери. Никаких дверей не было — это он знал. И все-таки на экран упала полоска света. Значит, открылись. Пиркс услышал знакомый голос:

— Пилот Пиркс!

Пиркс попытался встать, но упал. Показалось, что сходит с ума. Вспомнил, что в прозрачной оболочке «музыра» появился Шеф. Остановился перед Пирксом, взглянул на него и улыбнулся!

Пиркс не понимал, что происходит.

Прозрачная оболочка поднималась вверх. Он судорожно принялся от- стегивать пояс. Экраны за спиной Шифа мигали.

— Очень хорошо, очень хорошо. Пиркс — сказал Шеф. — Очень хорошо.

Ничего не понимая, Пиркс вытянул перед Шефом, как автомат требовал устат, и вдруг совершил коуноство: отвернулся, насколько позволяла наполовину надутый воздушник.

Пиркс вместе с люком отодвинулся в сторону, словно ракета расколослась неполам в этом месте.

Восмерем полумраке был виден человек, стоявшие на нем люки, тросы, фермы. Пиркс, полоткрыл рот, глянул на Шефа.

— Или сюда, парень, — сказал Шеф, медленно пробираясь ему. Пиркс машинально покаял ее.

— Благополучно за службу, — Шеф снова сжал руку Пиркса, — но тебе пора идти. Ты слышь, ну да. А теперь пойдом. Ко мне. — И он повернулся, чтобы уйти.

Пиркс пошел следом, ступая шаг за шагом, неуверенно.

Было холодно. Дов слабый ветер, проникающий в зад сквозю полудразвинутую часть кривы.

Оба корабля стояли на аркестив месте. Так это было только наземное испытание! Все как в настоящем полете, но... на земле... Инструктор сказал что-то Пирксу. Сквозь шлем не было слышно.

— Что? — переспросил Пиркс. — Воздух! Выпусти воздух из комбинаэона!

— А, воздух. — Он нажал вентиль, вышвырнул... Люк второго корабля был открыт. Раздался слабый треск, и из люка вывали какой-то коричне- вый, дескисный клубок, давший кри- ково. С головой горла вылетело белое, бес кровинки, липко... Этого человек... Берст врезался в Луну.

Сочерщенный перевод с русского на русский.

И. Прагер (Московский государственный ордена Трудового Красного Знамени художественный институт им. В. И. Сурикова).
Из серии «Московские мотивы».

**СЕДЬМАЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ
ВЫСТАВКА
ДИПЛОМНЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВУЗОВ СССР
ВЫПУСКА 1959 г.**

Г. Витковский (Белорусский государственный театрально-художественный институт).
Иллюстрация к роману О. Фарш «Одеты камнем». Рисунок на набережной Невы.

Г. Колганов (Художественный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии).
«Время жить и время умирать» Э. М. Ремарка. →

В. Ершова (Ереванский государственный художественно-театральный институт).
Из серии «Ереванские пейзажи».

Л. Гречановская (Киевский государственный художественный институт).
Нюхонница. →

Цена номера
2 руб.

